

r > **S**pace **f**actor > Space factor > S

Михаил МИХЕЕВ

НА ЗАДВОРКАХ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Идти вперед и верить в свои силы!

Space factor

Михаил Михеев

На задворках Солнечной системы

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Михеев М. А.

На задворках Солнечной системы / М. А. Михеев — «АСТ»,
2017 — (Space factor)

ISBN 978-5-17-983054-2

Людам всегда тесно, даже если к их услугам вся Солнечная система. Как бы много ни было места и ресурсов, всегда найдется страна, желающая, чтобы все это принадлежало ей одной. И таких стран может оказаться несколько. Но что получится, если кто-то вырвется вперед и вот-вот уйдет в недостижимый отрыв? Все остальные тут же постараются осадить его и будут трогательно едины в своем порыве, ведь против кого-то дружить всегда проще. И начинаются шпионские игры, стрельба, интриги... Как выкрутиться из этого экипажу русского звездолета? Да очень просто. Идти вперед, держаться друг за друга и верить в свои силы. Если же в экипаже затесался враг – что ж, пусть ему будет хуже!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-983054-2

© Михеев М. А., 2017
© АСТ, 2017

Михаил Михеев

На задворках Солнечной системы

© Михаил Михеев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Едва сгорает закат,
Но только вечер уйдёт,
И нам команда – «На старт!»
И нам команда – «Вперёд!»
Летит под окнами снег,
Летят секунды, как дни...
Замедли времени бег
И на бегу – позвони.*

Алькор. Старт

2084 год. Орбита Земли. Где-то над Сибирью

В расчетах была допущена ошибка. Вместо того чтобы сменить орбиту, исследовательский модуль «Осирис» начал снижение, а попытка экстренно вмешаться только усугубила ситуацию. Один из маневровых двигателей решительно отказался работать и лишь выдал на пульт серию ярко-красных огоньков. Неисправность, причем непонятно где. Ничего удивительного – после того, как стали пользоваться украинскими комплектующими, надежность оборудования вызывала иногда смех, но чаще слезы. Вот и сейчас, даже не пытаясь штатно изменить курс, модуль раскрутило вокруг оси, и массивные баки с горючим от рывка перекосило. Слегка, ничего страшного, поправить – несколько часов работы. Беда в том, что у обитателей модуля не было и часа. Сорок минут, максимум, а потом ажурная трехсотметровая конструкция войдет в плотные слои атмосферы и сгорит. При таком угле падения до поверхности не долетят даже обломки.

Эдуарда Петрова, биолога и штатного врача модуля, авария застала в его лаборатории, где он, как и положено любому уважающему себя ученому его профиля, занимался издевательствами над крысами, водорослями и прочими дрозифилами. Первоначально он даже не почувствовал изменений, все же маневры в космосе весьма плавные, но когда орбитальную станцию закрутило, он живо сообразил, что дело серьезное.

Долго гадать, что же делать дальше, не пришлось – взвыли баззеры тревоги, и, дублируя их, голос командира рявкнул приказ следовать к спасательному модулю. Оставалось лишь аккуратно извлечь из зажима компьютер, в который Эдуард с первого дня пребывания на орбите скрупулезно вносил результаты экспериментов, и двигаться по указанному адресу. Сейчас, из-за вращения станции, это было достаточно сложно, однако биолог на орбите провел много времени и умел лихо перемещаться в невесомости. Отталкиваясь от стен, он шустро летел по коридорам, злорадствуя про себя, и у него были на то все основания – ведь пилотом и по совместительству командиром во всем, что не касалось науки, а следовательно, и виновником аварии, была его жена. У, самка собаки!

Тот, кто решил в свое время сэкономить на психологической подготовке экипажей, был редким идиотом. Решил, что лучше посылать на орбиту семейные пары – они, мол, и без того друг к другу притерты наглухо. Ага, щ-щас-с! Вы попробуйте год посидеть на орбите вдвоем,

практически без связи с внешним миром. Без связи потому, что экономят даже на этой малости и все разговоры, не касающиеся непосредственно работы, ограничены. Пять минут в неделю, и как хочешь – так и крутись. Немного спасали размеры модуля, дающие возможность уединиться, но все равно, за время полета друг другу они осточертели наглухо. Эдуард не мог дожидаться, когда этот ад кончится, и три дня, оставшиеся до возвращения на Землю, казались ему вечностью. Сейчас произошедшее выглядело чем-то вроде приятного дополнения – раньше дома будет, чего уж там.

Ирина, его жена, наверняка придерживалась того же мнения. Во всяком случае, в отношении его, Эдуарда. Если еще не хуже – биолог слышал, что она говорила о нем недавно своей матери, а та лишь поддакивала. У-у-у, стервы! Послушать их, так и динозавры вымерли только для того, чтоб такие, как Эдуард, не добрались до них с пробирками и пинцетами. Единственно, сейчас у Ирины настроение явно не фестивальное – все же, хотя маневрированием руководили из ЦУПа, непосредственным исполнителем была она. На нее и спишут аварию – все равно станция будет уничтожена, а с ней и все улики. Информацию же, что шла на планету, почти наверняка уже подтирают, дабы соответствовала официальной версии. Так что прости-прощай, военная карьера. Будешь дома сидеть, и то если повезет и не упекут куда подальше. Одна сидеть, потому что Эдуард был намерен развестись сразу после приземления.

Люк спасательной капсулы был открыт. Все правильно, Ирина добралась первой – ей и ближе, и в невесомости она лучше движется, чего уж там. Ловко оттолкнувшись от стены, Эдуард нырнул в узкую горловину и через секунду уже застегивал ремни противоперегрузочного кресла. Уж что-что, а умение быстро залезать в капсулу ему вбили на уровне подкорки. К тому же эти капсулы нового поколения были чертовски удобны, в них не было нужды даже надевать скафандры. Раз, два, три – все, он готов!

Только сейчас Эдуард посмотрел на соседнее кресло, в котором уже со всеми удобствами расположилась его жена. Та даже не повернула головы, увлеченно щелкая клавишами на пульте. Красивая... Эх, была бы чужая – цены бы не было! Все, оставалось расслабиться и получать удовольствие.

Через пару минут Эдуард понял: что-то здесь не так. Они сидят в капсуле, но она и не думает отделяться. И это в тот момент, когда дорога каждая секунда! Лицо Ирины покрылось мелкими бисеринками пота, пальцы летают над клавиатурой, но пульт отзывается лишь перемигиванием разноцветных огней. Эдуард не был профессионалом, но кое-что он все же понимал – базовый курс подготовки проходил, экзамены сдавал, поэтому, отстегнув часть ремней, чтобы приподняться и лучше видеть, смог определить проблему. По всему выходило, что сигнал на стыковочный узел не проходит. У-у, ляпшие друзья со своими комплектующими. И что дальше?

Дальше – кирдык. Капсула бронированная, но она должна входить в атмосферу днищем вниз. Там броня и многослойная теплоизоляция. При ином угле входа – сгорит, как метеор. А с бултыхающейся станцией правильный вход невозможен... Черт! Черт! Черт!

Очевидно, эта же мысль пришла в голову и Ирине. Во всяком случае, она начала поспешно отстегивать ремни, рывкнув на мужа, чтоб не мешал. Аварийный сброс можно было задействовать и вручную. Вот только – снаружи, и тот, кто отстыкует капсулу, останется в модуле и будет обречен. И это будет она, как командир. Ага, размечталась. Она погибнет – а ему, значит, до конца жизни мучиться угрызениями совести, ловить презрительные взгляды товарищей и знать, что не мужчина – женщина оказалась крепче него. У-у, инфузория в туфельках!

Ирина даже не поняла, что случилось. Кулак мужа ударил ее по затылку, погрузив в нирвану, а Эдуард, матерясь, начал выбираться из капсулы. Пять минут спустя он уже провожал ее взглядом. Потом усмехнулся и решительно направился в рубку – там был самый лучший

обзор, а ему почему-то хотелось посмотреть на самый красивый рассвет в жизни. Его последний рассвет.

Два года спустя. Москва. Точное место не установлено

– Ну, Ирина Васильевна, как добрались?

– Благодарю вас, – высокая женщина лет тридцати, но с абсолютно седыми, коротко постриженными волосами, которые она даже не пыталась красить, одетая в гражданский брючный костюм, сидящий на ней как мундир, вежливо кивнула и бесстрастно посмотрела на собеседника. Тот невольно поежился – глаза женщины были абсолютно пустыми и бесстрастными. Так может смотреть оптический прицел – было дело, довелось в молодости столкнуться. Ощущения незабываемые.

– Очень рад, – слегка покривил он душой. Покривил потому, что предпочел бы вот прямо сейчас оказаться в кабинете один, а слегка – так ведь разговор этот все равно состоится. Раньше или позже – но состоится.

– Аналогично, – вновь кивок, сухой и бесстрастный.

– Я попросил вас зайти потому, что в свое время обещал сообщить результаты расследования.

– Я поняла, – женщина не пыталась вывести его из себя, но получалось это у нее все равно неплохо.

– Откуда же? – все же спросил он и тут же пожалел о заданном вопросе. Но слово – не воробей, вылетит – мало не покажется. В данном случае это означало, что придется лишний раз выслушивать ровный, ничего не выражающий голос собеседницы. Впрочем, она была лаконична.

– Потому что у вас вряд ли могут быть иные дела ко мне. Не тот уровень.

Уела, ничего не скажешь. Действительно, разный уровень, по идее, с его пригорка в ее болоте ни одну лягушку не разглядеть. И если бы не данное сгоряча когда-то слово...

– В общем, Ирина Васильевна, следствие подошло к концу. И пришло к выводу, что авария на вашем орбитальном модуле явилась следствием диверсии.

– Я знала это с самого начала.

– Что привело вас к таким выводам? – Этот живой компьютер уже начал его раздражать.

– Ну, хотя бы ошибка бортового навигационного компьютера. Так не ошибаются. Если бы он был подключен к сети, я бы сказала, что это – вирусная атака. В данном случае это означает, что вирус был занесен в компьютер заранее и, если его не смогли обнаружить, значит, писавший его знал все системы защиты, причем изнутри. Есть и другие нюансы, но достаточно и этого.

Снова уела. А главное, она не старается это делать, просто констатирует факты. Ну что же, пускай будет так.

– Наши специалисты пришли к тому же выводу. И тоже увидели нюансы. Впрочем, что катастрофа, в которой погиб ваш муж, – диверсия, было ясно с самого начала. Взгляните.

Голографическое изображение, возникшее над столом, радовало четкостью изображения. Правда, это был не художественный фильм и не картинка интересного содержания. Просто список, не очень длинный. Женщина внимательно прочитала его, повернулась к собеседнику и все так же, без эмоций, поинтересовалась:

– Что это?

– Это? Это список происшествий, связанных между собой только одним-единственным звеном. Все лаборатории, конструкторские бюро и просто ученые работали на нашу космическую программу, на один и тот же проект. Ваш муж, Ирина Васильевна, потрошил крыс не потому, что ему это нравилось – он ставил эксперименты, целью которых была оптимизация

работы систем жизнеобеспечения и защиты биологических организмов от солнечного ветра. Хотя, конечно, для чего он это делал, сам Эдуард Федорович посвящен не был.

– И все они погибли?

– Не все. Но в одних случаях – уничтожены результаты экспериментов, и их приходилось ставить заново. В других – руководитель мог, к примеру, угодить под машину и на пару месяцев загнать в больницу. В третьих погибали и лаборатория, и уникальное оборудование. Словом, диверсии и саботаж, затормозившие наши работы почти на год и стоившие немалых денег. Не так уж и мало, согласитесь. Дипломатия – это искусство делать гадости в белых перчатках, но иной раз приходится работать и золотарем. Судя по всему, сейчас именно такой случай. Дипломаты могут говорить что угодно, но спецслужбы действуют независимо от их слов.

– И... кто? Украина?

– С чего вы так решили? – удивление было неподдельным.

– Их оборудование славится ненадежностью, чаще всего выходит из строя и под это можно замаскировать что угодно.

– Гм... Вы предвзяты.

– Возможно...

Показалось, или маска бесстрастности на миг дала трещину?

– Мою бабушку вывозили когда-то в Россию под обстрелом. Ей было всего девять лет. А ее сестра тогда погибла – она закрыла ее собой.

– Понятно. Ваша семья умеет ненавидеть. Это хорошо. Однако сейчас – мимо. Эти лучшие друзья человека так боятся, что их снова изолируют... В общем, тотальная ненадежность – да, но это связано с утерянной ими культурой производства. Кстати, именно после вашего случая номенклатура поставок из этой страны была сильно сокращена.

– Я знаю.

– Однако круг заинтересованных лиц, – он усилием воли заставил себя не обращать внимания на ее слова, – все равно достаточно велик. Альянс, в первую очередь, они все пытаются достичь былой славы, но того факта, что им удалось сохранить за собой Северную Америку, считают для этого недостаточным. Вот и стараются всеми способами сократить отставание в космической гонке. Япония. У этих играет в заднице комплекс неполноценности. Британский Союз – то же самое. Европа... Ну, этим свои бы проблемы решить, но и их со счетов я бы скидывать не стал. Китай – после Монгольской кампании, когда мы их отделали и заставили бояться даже смотреть в нашу сторону, они нас просто ненавидят. Ну и так, по мелочи, тоже желающих хватает. Возможно, мы вообще имеем дело с действиями сразу нескольких разведок. И, в связи с этим, у меня к вам предложение.

– Слушаю.

– Вам предлагается отомстить.

Вот тут ее бесстрастность разлетелась на тысячу кусков – и мгновенно собралась вновь, однако эмоции были, что называется, налицо. Просто замечательно.

– Что я должна делать?

– Это считать согласием?

– Да.

– Замечательно. Итак, вы знаете, что корабль стартует через три месяца. Наверняка наши... гм... братья меньшие попытаются внедрить в экипаж своего агента, а может, даже и не одного. Не факт, что получится, ну а вдруг? Поэтому с экспедицией пойдет и наш сотрудник... Замаскированный под одного из специалистов, естественно. И мы хотим, чтобы кроме него оказался кто-то, на кого мы сможем положиться. Желательно, в пилотском кресле.

– Вы так во мне уверены? – вот он, сарказм. Компьютер исчез, остался человек, и это радует.

– Да. Я же сказал – ваша семья умеет ненавидеть...

– Понятно. Вы считаете... внедряют своего или кого-нибудь из наших, завербованных?

– Честно, не знаю. Первый вариант надежнее, второй проще. Скромному человеку известность ни к чему. Такой предпочитает брать деньгами. И, к сожалению, найти таких скромняг можно всегда, вопрос в цене.

– Хорошо, я поняла. Мои дальнейшие действия?

– Идите домой, отдохните, подумайте еще раз. Если по-прежнему останетесь согласны, жду вас здесь завтра, в это же время.

Примерно через месяц. Западная Сибирь

Костюм сидел на Басове, как седло на корове. Ну не вбить человека, привыкшего к полевой одежде, в дорогую сбрую, но, увы, дресс-код не позволял ходить в привычных свитере и джинсах. Ты теперь профессор – вот и соответствуй...

Он, конечно, пытался фрондировать, был вызван на ковер и имел серьезный разговор. Откровенно говоря, можно было и послать ректора куда подальше, в конце концов, университет заинтересован в нем сильнее, чем он в университете, но зарываться из-за пустяков не хотелось. В разговоре с начальством важно аргументировано согласиться, что ты не прав, истина старая, но действующая, так что смири гордыню – и носи то, что положено. Мало ли, как жизнь сложится, и наживать лишних врагов глупо.

Откровенно говоря, Басов не понимал, на кой ему вообще сдалось это преподавание. Больших денег на нем не заработаешь, а времени и сил уходит море. И нервов – хотя бы даже из-за необходимости таскать этот дурацкий костюм. На основной работе всем было наплевать, во что он одет, а заработки позволяли жить безбедно, но все же хотелось чего-то еще. Для души, что ли. Летом все просто, ушел в очередную экспедицию – и все, зимой же становилось откровенно скучно. Он и диссертацию защитил больше от скуки.

Автомобиль приветливо моргнул габаритными огнями и принял хозяина в свое уютное нутро. Здоровенная японская бандура, под две тонны стали и с двигателем почти в полтысячи кобыл. Эти brutальные монстры переживали сейчас ренессанс и практически не отличались внешне от предшественников почти вековой давности. Начинка, разумеется, другая, а вот дизайн прежний, да и управление тоже – не прижились в России автопилоты.

Сочно рыкнул мотор – имитация, конечно, при желании электродвигатель может работать почти бесшумно, но все равно приятно. Выезжая со двора, Басов резко выкрутил руль и газанул, покрышки взвизгнули – ничего страшного, все равно никого здесь не бывает, можно чуть-чуть полихачить. И – вперед!

До города минут пять езды, и машина шла мягко и ровно, легко поглощая любые выбоины в традиционно не самом лучшем асфальте. Как ни странно, это вызвало легкое раздражение – к звездам лететь собрались, а порядочных дорог как не было, так и нет, да и автомобили в той же Японии почему-то делают лучше. Впрочем, Россия всегда была сильна другим.

Хорошо еще, с парковками проблем нет. Это вам не Москва, где не приткнуться, здесь, в Сибири, народу поменьше, а места побольше. Так что спокойно припарковаться, выйти, с удовольствием вдохнуть морозный воздух и идти по усыпанной яркими, не успевшими еще побуреть листьями дорожке к зданию университета. Так же, как двадцать лет назад, когда он бегал сюда еще молодым да наглым студентом.

Эта лекция у него была последней. Все, дальше предмет начнет вести молодой коллега, главное достоинство которого постоянное присутствие на работе. А Басову через какие-то шесть часов садиться в самолет – и все, минимум четыре месяца его здесь не увидят. И не откажешься ведь, за такую возможность очень многие его коллеги душу бы дьяволу продали. Сестра заберет со стоянки машину, мать присмотрит за домом, а он отправится к Сатурну и, если повезет, станет одним из тех, чьи имена положено выговаривать с благоговейным приды-

ханием. Основоположники космической геологии, однако. Если не повезет, там, в космосе, и останется. Случались прецеденты.

– Сергей Павлович!

Басов удивленно обернулся, только для того, чтобы обнаружить в трех шагах позади себя Александру, старосту группы, которой он сейчас и должен был, собственно, читать лекцию. Девчонка выглядела чуть смущенной и слегка запыхавшейся. И, кстати, очень красивой. Лет пятнадцать назад он бы с ней – ух! Увы, не та ситуация, не тот возраст.

– Слушаю вас, – как можно более сухо ответил он.

– Сергей Павлович... – тут она смутилась еще больше. – Я... Мы...

– А если короче? – происходящее его забавляло, в свои сорок Басов еще не успел окончательно забыть, каким сам был в студенчестве, и потому, несмотря на строгость, считался довольно лояльным преподавателем.

– В общем, мы вас приглашаем, – выдохнула девушка.

Интересно, куда... А с другой стороны, не все ли равно? Он уже практически никто и звать его никак, так что начальнички вряд ли прицепятся. А этих ребят увидеть больше, скорее всего, не получится, когда он вернется, они, может статься, уже закончат обучение и разлетятся, кто куда, страна большая. Так что... почему бы нет?

– Ну так ведите, – усмехнулся профессор и потопал следом за Александрой, отметив мимолетом, что одета она, скорее, по-походному.

Идти оказалось недалеко, всего минут десять, а дальше город заканчивался. Потом еще метров триста (Басов похвалил себя за то, что надел не туфли, а более привычные высокие ботинки) – и река, неширокая, холодная даже на вид. И его студенты, все два десятка человек. Мангалы, аппетитный запах шашлыка... Это он удачно зашел!

Действительно, удачно. Когда еще удастся вот так, плюнув на условности, посидеть совсем как в молодости? Разве что летом, в экспедиции. Жаль только, что он за рулем, а это означает табу на спиртное. Впрочем, как раз отсутствие выпивки быстро пьянящего, а потому сдержанного в такого рода развлечениях Басова не слишком расстроило.

Тот же день. Москва

В столицу он прилетел вечером и, выйдя из самолета, едва не задохнулся от жары. Это у них там осень, а здесь лето упорно отстаивало свои права, температура держалась целых двадцать пять градусов, и одет Басов оказался совсем не по сезону. К счастью, в здании аэропорта царила прохлада и машина уже ждала его на парковке. Небольшой, юркий седанчик – в городах центральной части России монстрам вроде «тойоты» профессора зачастую было попросту не развернуться. Конечно, благодаря удачно перепланированной транспортной развязке от пробок в Москве удалось в основном избавиться еще полвека назад, но места все равно не хватало.

– Профессор Басов? – шустрый парень, подвижный, словно капелька ртути, и улыбчивый, как будто смешинку проглотил, выскочил ему навстречу, едва Сергей Павлович миновал пункт досмотра.

– Да, с утра меня звали именно так.

Парень рассмеялся и сунул ему раскрытую ладонь:

– Виктор, водитель. Меня прислали за вами.

– Прислали – это хорошо. Ведите, не будем мешать людям.

Виктор свой пепелац вел шустро и, на первый взгляд, бестолково, но Басов видел, насколько ловко он вписывается в любую щель плотного транспортного потока и при этом ухитряется не рисковать. Кто другой и не заметил бы, но Басова, надо отдать должное, в свое время учили изрядно, и толк в вождении профессор понимал. Именно поэтому он расслабился и просто смотрел в окно, разглядывая пейзажи.

Москва, надо сказать, разрослась довольно сильно, однако, когда ее основательно почистили от нежелательных элементов вроде гастарбайтеров, всевозможных диаспор выходцев из бывших союзных республик и их потомков, да криминального элемента всех мастей, невзирая на национальные признаки, оказалось, что освободилось довольно много пространства. Так что лет пятьдесят назад рост города практически остановился. И все равно, издали город смотрелся просто здорово. Издали потому, что заезжать в него никто не собирался, цель их путешествия располагалась несколько в стороне, километрах в пятидесяти.

Люди, которые выбирали место для базы, оказались не чужды прекрасному, тренировочный центр располагался в великолепном сосновом бору, словно кинжалом рассеченном небольшой речушкой. Правда, деревья, которые постарше, росли очень уж ровно – видать, их высаживали, когда заработала программа восстановления экологии, но эта некоторая искусственность компенсировалась обильной молодой порослью, растущей уже как попало. И грибы здесь росли, Басов увидел парочку у самой дороги. В общем, приятное место.

Встречал его здесь крепкого сложения молодой человек, тоже приветливо улыбающийся. Впрочем, что-то подсказывало, что улыбка в два счета может превратиться в прищур снайпера – видали уже таких, было дело.

– Здравствуйте, профессор. Виктор.

– Это дежурное имя?

– А? Что? – тут он бросил взгляд на ухмыляющегося водителя. – Простите, не сообразил. Просто тезки. Признаться, мы ждали вас еще утром.

– Были дела. Взятые на себя обязательства надо выполнять, не так ли?

– И не поспоришь. Работа не волк, а удав – живьем заглатывает. Пройдемте.

Номер, который ему предоставили, тянул на хороший гостиничный, звезды этак на четыре. Профессор успел бросить вещи, сполоснуться под душем и переодеться в более приличествующие сезону рубашу и джинсы, когда в дверь деликатно постучали, и пришлось шустро идти следом за Виктором в малый конференц-зал, где, собственно, и должна была произойти встреча с будущими сослуживцами. Правда, вначале пришлось зайти к непосредственному начальству. Хорошо хоть, встречались уже, так что можно было обойтись без лишних эквивалентов.

Генерал Нечипоренко был такой же, как и при первой встрече, когда он не поленился прилететь в их городок ради личного разговора. Высокотелый, грузный, с коротким ежиком начинающих седеть волос. Правда, когда он улыбался, его больше напоминающая булжжик физиономия становилась вдруг чрезвычайно обаятельной. При виде Басова он полез из-за стола, напоминая матерого медведя – вроде бы неуклюжий, а за движениями не уследишь.

– Приветствую, Палыч! Как твое ничего себе?

Поразительно, но в прошлый раз на «ты» они перешли уже через пять минут разговора, и нарушать сложившийся стиль общения, привыкший к такому же в своих странствиях Басов не собирался.

– Твоими молитвами, Семен Семеныч. А сам как?

– Не дожидетесь, – Нечипоренко рассмеялся, показав ровные белые зубы – на стоматологе он явно не сэкономил. Действительно, медведь. И, хоть и говорят, что звериное приятно человеку, пока сам зверь человека не нашёл, опасений генерал у Басова не вызывал ни малейших.

– Неужели так плохо?

– Честно? Да, – посерьезнел генерал. – Геморроя столько, что страшно становится. Тем более, я идеалист и хочу, чтобы мой пулемет пребывал в идеальном состоянии, а добиться этого никак не могу.

– Ничего, справишься.

– Конечно, справлюсь. Куда мне деваться... Так, как долетел?

– Нормально. Извини, что поздно.

– Ничего страшного, хотя, конечно, ты последний. Пошли, познакомлю тебя с остальным экипажем, и готовься – с завтрашнего дня наступают суровые будни. Так что жировую прослойку сгонишь моментально.

– Тем лучше, хотя бы скучать не придется.

– Ну, тогда вперед!

Конференц-зал производил впечатление разумной достаточности, иначе и не скажешь. Вроде бы ничего лишнего – и в то же время все есть, все под рукой. И группа людей, собравшихся здесь, разом прервала свой разговор, до того весьма оживленный.

– Сидите-сидите, – остановил Нечипоренко тех, кто хотел встать. Четверо, впрочем, успели – вскочили, будто подброшенные невидимыми пружинками. Сразу видна военная косточка. – Итак, товарищи, позвольте вам представить последнего члена экипажа. Басов Сергей Павлович, руководитель геологического сектора.

– Романов Игорь Петрович, – один из вскочивших, невысокий коротко стриженный брюнет с тонкими чертами лица и почти незаметным шрамом над бровью, протянул ему руку. – Командир корабля, пилот и ответственный за все это безобразие.

– Ты на себя много не бери, ответственный. Командовать начнешь, когда взлетите, а пока что за вас отвечаю я, – хмыкнул генерал, но от дальнейших комментариев воздержался.

Рукопожатие у Романова оказалось резким и твердым, словно в тиски попал. Командирское рукопожатие. Да и вообще, с первого взгляда он Басову понравился. Решительный, наверняка знающий свое дело, другого командиром не поставят, с чувством юмора порядок, словом, генерал знал, кого ставить на этот полет.

– Демьяненко Ирина Васильевна, – сухо представилась высокая симпатичная женщина с короткими, на удивление для такого молодого возраста, седыми волосами. – Второй пилот.

– Тимбитханов Владимир Салдыкбеевич, – широкий, как шкаф, мужик с восточными чертами лица, то ли казах, то ли вообще монгол, протянул могучую длань, едва ли не более широкую, чем у самого, отнюдь не маленького, Басова. – Штурман.

– Коршунов Виталий Сергеевич. Можно просто Виталий. Механик, – парень лет двадцати пяти – тридцати, высокий и худой, почему-то смутился.

– Серегин Илья Борисович. Врач, – мужчина, ровесник Басова, с деланным кряхтением встал со стула, критически оглядел его с головы до ног и обратно. – В поле много работали?

– Хватало, – осторожно ответил профессор.

– Оно и заметно. Полгода физической нагрузки, а потом столько же ваши любимые виды спорта, – Серегин говорил брюзгливо, но в глазах его, это не укрылось от Басова, плясали веселые чертики. – Какие они там у вас? Литрбол и бабслей?

– И еще метание пончиков, – в тон ему ответил Басов.

– Вот видите, формой своей вам следует заняться, формой...

– Я... подумаю над вашим предложением. Но не уверен, что его приму.

– И почему это?

– Очень часто желудок и мозг не дружат... А мои – даже не здороваются.

– Гы! Сработаемся.

– Может, хватит? – поинтересовался, вставая из глубокого кресла у стены высоченный блондин, весь вид которого говорил, как минимум, о ста поколениях благородных предков. Поглядел на Басова чуть свысока, все же был на полголовы выше ростом, церемонно представился: – Иванов Петр Геннадиевич. Руководитель научного сектора. Получается, ваш непосредственный начальник. Биолог.

– Кривоносова Людмила Алексеевна. Астрофизик, – девица из тех, кому можно дать и двадцать пять, и тридцать, и все тридцать пять. Неопределенного возраста мелковатая серая мышка с собранными в жиденький хвостик светлыми волосиками. Именно волосиками – нормальными волосами то, что произрастало у нее на голове, назвать было сложно.

– Петрова Владислава Тихоновна. Планетолог, – эта женщина была прямой противоположностью астрофизику. Среднего роста, черноволосая, мощная, способная на ходу не то что коня – танк остановить. Голос низкий, грудной. – Очень приятно с вами познакомиться.

– Э-э... Первая меркурианская?

– Да, было дело. По молодости, – Петрова вдруг весело улыбнулась. – У вас первый полет?

– Да.

– Ну и нормально. Освойтесь.

– Исмаилов Валерий Валерьевич. Физик. Просто физик, безо всяких «астро», – очень спокойный на вид темноволосый мужчина чуть моложе Басова. Почему-то не вызывающий никаких эмоций – средний рост, среднее сложение. И рука тоже – средняя.

– Павлов Степан Васильевич. Можно Степан. Специалист по физической подготовке, повар и диетолог, – мужчина среднего роста, с фигурой, не оставляющей сомнений в спортивных достижениях хозяина, и с крепким и спокойным от осознания собственной силы рукопожатием.

– Ну, раз все в сборе и даже познакомились, то проведем краткую беседу, – генерал решительно взял бразды правления в свои руки. – Значит, так. Я человек, и ничто бесчеловечное мне не чуждо, поэтому с завтрашнего дня начинаете курс усиленной подготовки. И не плакать потом, что не предупреждал – будет тяжело. Впрочем, все вы тут не инвалиды, справитесь. Подробную информацию, кто еще не читал, получите вечером, в общих же чертах все просто. Идете к Сатурну, по пути заходите на марсианскую базу, передаете им груз, zapравляетесь топливом. Затем в поясе астероидов сбрасываете груз для наших разведчиков. Потом к Юпитеру, опять сбрасываете груз и производите дозаправку. Дальше – к Сатурну. Ваша задача – первичная разведка, застолбить окрестности планеты за Россией, организовать постоянно действующую базу, чтобы те, кто придет за вами, не теряли время и силы, а спокойно разместились и начали работать. Помните, в тех дебрях еще никто не был, что ожидать – вопрос открытый. И дополнительная задача – испытать новый тип двигателей в реальных условиях. Вследствие секретности экспедиции установки дальней связи будут опечатаны. Без крайней на то необходимости связь с Землей только с наших баз. Вроде бы все.

Судя по виду слушателей, для всех, кроме Басова и, похоже, Коршунова, это перечисление было далеко не первым. Кстати, странно, Коршунов – из постоянных членов экипажа, а сюда, видимо, прибыл чуть раньше профессора. Ну да ладно, это уже не его дело. Остальные же, кроме, разумеется, пилотов и штурмана, едва не зевали.

– Все поняли? – генерал вздохнул. – У вас сейчас последний момент, когда вы еще можете отказаться. Не хотите? Ну, пеняйте на себя. Все по номерам и отдыхать, завтра с утра приступаем.

...И приступили, да так, что Басов в первый момент буквально взвыл. Подъем в шесть утра. Десятикилометровых марш-бросков с полной выкладкой он не совершал с самой армии. Потом стрельба – это в качестве передышки. Отстрелялись – общефизическая подготовка. Снова стрельба. Рукопашный бой. Зачем? Положено! После обеда – занятия, уже имеющие прямое отношение к полету. Общие принципы управления кораблем. Навигация в космосе. Основы ремонта и настройки механизмов. Основы движения в невесомости (Басов с удивлением обнаружил, что ветераны тренируются вместе с новичками). В общем, куча всего. В конце каждой недели – вылет на орбиту, на строящуюся орбитальную станцию, для практического закрепления полученных навыков. Словом, до койки он доползал только затем, чтобы вырубиться и, как казалось, через секунду услышать отвратительно реальный звонок будильника. И никаких тебе книжек перед сном! Впрочем, жаловаться было грешно – на соседних полигонах точно так же, на их глазах, гоняли еще несколько групп. Экспедиция к Сатурну явно была не единственной, которую в ближайшие месяцы отправляла Россия.

Однако уже к концу первого месяца все втянулись, и стало намного проще. Тем более, кормили их как на убой. И тогда же Басов в первый раз увидел на орбите свой корабль. Он, надо сказать, производил впечатление. Ажурная, ошестинившаяся гирляндами солнечных батарей конструкция длиной более километра, с мощными двигателями в хвостовой части. Все остальное – жилые помещения, вокруг – причальные устройства, на которые будут крепиться грузы. Это значительно удобнее, чем размещать их внутри корпуса, плюс, случись что, они окажутся дополнительным препятствием на пути случайного метеорита или, как вариант, вражеской ракеты. Конечно, это теория, но слухи в последнее время ползали нехорошие. Слухам же стоит верить, поэтому их корабль был неплохо вооружен. Как говорится, на всякий случай и во избежание.

Хотя, конечно, корабль хоть и новейший, но ни в какое сравнение с проплывающим рядом патрульным крейсером марсианской эскадры не шел. Тот производил впечатление не изящества и функциональности, а прочности и упорства. Наверное, так и положено выглядеть боевому кораблю. Россия, хоть и не имела пока реальных соперников в космосе, небольшой военный флот предпочитала содержать. Конкретно этот крейсер, как объяснила Басову своим, по обыкновению безразличным, голосом Демьяненко, пригнали сюда на модернизацию – планировали что-то делать с двигателями.

С этого момента их таскали на орбиту раз в два дня. Чтоб, значит, освоились со своим кораблем, хотя, как подозревал Басов, за месяцы полета он еще надоест им хуже горькой редьки. Хвала ученым, сейчас такие полеты хотя бы не являлись запредельно сложными технически, как сто лет назад – последние лет сорок российские корабли использовали для выхода на орбиту гравитационные двигатели. Остальные страны завидовали им черной завистью, но строить такие же не рисковали – за попытку нарушить патентное право можно было и по морде получить. После Монгольской кампании и большой прибалтийской разборки русские не слишком церемонились.

А вообще, создание гравитационного двигателя, простого, надежного и дешевого, в свое время позволило совершить колоссальный прорыв. Это открытие – итог целого ряда гениальных заблуждений – никем не воспринималось всерьез и, когда вырвалось из плена лабораторий, повергло соседей в шок. Хотя бы потому, что русские начали массово ставить его не только на космические аппараты, но и на самолеты, разом вырвавшись на гиперзвук, а также создав аналог вертолетам. Правда, вертолеты не умерли, просто их ниша сократилась, а вот вся авиация конкурентов, и гражданская, и военная, моментально оказалась устаревшей.

Именно это подтолкнуло целую сеть локальных войн и привело к пересмотру мирового порядка. В большую войну это не вылилось лишь потому, что, когда одна страна полностью контролирует орбиту, пытаться воевать с ней слишком опасно, ну, а очаги напряженности у своих границ русские давили безжалостно. Получив новый шанс, держава не собиралась его упускать и методично била по морде всех, кто был с этим агрессивно несогласен. В результате тем, кто понаглее, серьезно досталось, а более умные предпочли сидеть в мягком и теплом, причем с головой.

Как пролетело время, Басов даже не заметил. Просто однажды утром им объявили, что все, закончили, послезавтра – старт, завтра – отсыпаться, а сегодня у них последняя возможность перед отлетом смотаться в город и хорошенько оторваться. Надо ли говорить, что согласились все.

Правда, отвезли их не в Москву, а в ближайший город-спутник, таких сейчас развелось немало. На взгляд Басова, это было даже лучше. С одной стороны, все удобства, с другой – тихо, спокойно, нет лишних шансов нарваться на неприятности. Какие? Да без разницы, был бы человек, а неприятности найти он всегда сумеет. Остальные, похоже, придерживались схожей точки зрения, во всяком случае, никто не протестовал.

– Ну, вот и лучшее заведение в этой дыре, – Виктор, лихо затормозив, распахнул дверь их микроавтобуса. – Как говорится, все, что нужно. Только с девочками, смотрите, осторожнее, не хватало еще в полете какую-нибудь заразу подцепить.

– Не учи ученых, – махнул рукой Иванов. – Как хоть это место называется?

– Бар «Барсук».

– А зачем повторять дважды? Я и с первого раза понял, что бар, а не ресторан, – и, оставив Виктора соображать, что бы это значило, первым полез наружу. Остальные, правда, тоже не заставили себя упрашивать, чтобы спустя каких-то пару минут расположиться во вполне уютном, цивилизованном зале. Кстати, больше похожем все же на небольшой ресторан. В общем, неплохо, разве что клозет, слышимый даже через две стены, клокотал, как непризнанный гений. Ну а дальше понеслось.

Меру, конечно, знали все, но и помнили также, что в следующий раз им такие посиделки грозят разве что после возвращения. Процесс потихоньку набирал обороты, и вскоре все перемешалось. Появились какие-то разбитные девицы – ну, от этого уж никуда не деться, в таких заведениях они просто обязаны быть. Судя по акценту, из Незалежной, ну да какая разница. Вон, одна уже пристроилась на коленях у Коршунова, еще двоих активно клеил Иванов.

Поглядев на свое непосредственное начальство, Басов усмехнулся. Насколько биолог не глянулся ему при первой встрече, настолько нормальным мужиком он оказался при более близком знакомстве. Просто не умеет быстро знакомиться, бывает. В конце концов, кто-то свою стеснительность не скрывает, точнее, скрывает так, что она буквально выпячивается, а другие надевают маску британского лорда.

Из бара они, часа через три, выбрались как раз вместе с Ивановым. Тот, кстати, девиц стряхнул, чем-то они его не устроили, и отправился побродить по городу, Басову же хотелось просто посидеть на берегу реки, так что дороги их должны были разойтись моментально, но вот зацепились языками и еще минут пятнадцать обсуждали перспективы будущего полета, незаметно сами для себя перейдя на другие темы.

– ...Вот неправильно называется ваша наука, Сергей Павлович, совсем неправильно, – чуть заплетающимся языком втирал Иванов. – Не геология это.

– А что тогда? – Басов выпил заметно меньше и потому контролировал свою речь куда лучше.

– Не знаю. Но мы вышли в космос. Гео – это Земля, а в космосе – как-то иначе, что ли...

– Планетология уже занята, и занимается она чуточку другими вещами. А если для каждой планеты выдумывать свое... Марсология, юпитерология, венерология... Бред, так и тянет чем-то неприлично-медицинским.

– Ну... Тогда надо придумать что-нибудь еще.

– Петр Геннадиевич, давайте я вам расскажу одну историю. Не знаю, правда, сам, сколько в ней от правды, а сколько от байки, но, учитывая реалии того времени, допускаю, что все так и происходило. В двадцатых – тридцатых годах прошлого века было очень модно переводить всю терминологию на русский язык. Коснулось это и геологии. И очень долго думали, как обозвать термины «синклиналь» и «антиклиналь», пока у какого-то юного гения не появилась идея обозвать их «впук» и «выпук». Он написал соответствующую бумагу и с радостным выражением лица понес ее на подпись. Но умный человек наверху посмотрел и сказал: «Я понимаю, что такое выпук, но объясните, как можно сделать впук». На том, собственно, вопрос был снят, а карьера юного гения накрылась звонким медным тазом. Так что не такое уж и безобидное это занятие, с терминами играть.

– Ну, это уж вы загнули...

– Привет, мальчики! Чем занимаетесь? – Петрова, несмотря на фундаментальность форм, умела двигаться практически бесшумно, и неудивительно, что подошла к увлеченным спором мужчинам практически незаметно.

– О науке говорили, Владислава Тихоновна, о ней, родимой...
– Фу, что за мужчины пошли. Нет бы о женщинах... Прямо как не русские.
– О женщинах – это хорошо, – Иванов поправил на голове шляпу, совершенно ему не идущую. – Ладно, я пошел... к женщинам.

И ушел. Подошел к дороге, посмотрел направо, налево – и ушел. И чего он так? Впрочем, у Басова уже не в первый раз создавалось впечатление, что он планетологию элементарно побаивается. Петрова задумчиво посмотрела ему вслед:

– Ох, не выйдет из него нормального ученого...
– Вы считаете?
– Знаю. Ученый должен быть храбр... хотя бы отстаивая свои убеждения, а наш Петр Геннадиевич очень легко идет на поводу у других. Слишком мягкий характер. И ему очень тяжело будет руководить нами в космосе. Знаете, наверное, стоит в полете создавать как можно меньше спорных ситуаций, при таком руководителе они не пойдут на пользу делу.
– Согласен.
– Ну и замечательно. Ладно, я пошла, – и Петрова буквально уплыла вдоль по улице, ухитрившись, несмотря на освещение, буквально раствориться на ее просторах. А Басов остался на месте и никак не мог понять, что же ему не понравилось во всем этом разговоре.

Ночь перед отлетом. База подготовки

Не спалось. Ну, вот совершенно. И причину этого он хорошо понимал. Маленькая, похожая на средних размеров шариковую ручку бомба в личных вещах. Отключенная, не фонащая, невидимая сканерами, но при этом, кажется, живущая собственной жизнью. Каждый раз, когда он дотрагивался до нее, чувствовал, казалось, легкую, мерзкую вибрацию. Умом понимал, что на самом деле ее нет и это всего лишь игра нервов, но душевного спокойствия понимание почему-то все равно не добавляло.

Чертов куратор со своим «на всякий случай». Да и вообще, угораздило же его так вляпаться... Все этот проклятый Каллахан со своими фотографиями и расписками. Надо было тогда, сразу, идти и сдаваться – поняли бы, простили. Ну, подпортило это ему карьеру бы... немного. На подобные шалости, да еще и вне России, родные органы смотрели сквозь пальцы. Ну, побыл бы невыездным лет пять – так практически все ученые, допущенные к серьезным тематикам, имеют ограничения на выезд, и ничего, не страдают. Проблемы, связанные с режимом повышенной секретности, компенсируются рублем. Но смалодушничал тогда, а теперь расхлебывать приходится. У, сволочи!

Правда, жаловаться грешно – не меньше десяти лет он был «спящим» агентом, о нем никто даже не вспоминал, и он уже думал, что и не вспомнят. Увы, теория не выдержала суровой проверки жизнью. На него вышли еще за два дня до того, как он узнал об экспедиции, и настоятельно рекомендовали не отказываться от некоего предложения, которое обязательно последует. Вот и не отказался. А куда было деваться?

Все, теперь уже не заснуть. Встал, сделал комплекс упражнений – вошли за два месяца в привычку. Налил чаю – старомодные, но по-прежнему все такие же функциональные чайники в номерах имелись у всех. Сколько, интересно, этот чайник повидал космических путешественников до него и сколько увидит после? На этом месте его прервал деликатный стук в дверь.

Сердце екнуло. Раскусили и пришли. Впрочем, привыкший к холодному анализу мозг ученого тут же дал ответ, что бред и чушь все эти переживания. Захотели бы – вошли бы иначе. И все равно, дверь он открывал чуть дрожащей рукой.

– Тоже не спится? – Серегин, не спрашивая разрешения, вошел в комнату.
– Да...
– Не обращай внимания, это у многих, кто в первый раз летит, случается. Снотворное пить не стоит, лучше на вот, посмотри.

– Это что?

– «Белое солнце пустыни», естественно. Перед отлетом всем новичкам смотреть положено. Традиции, батенька, надо соблюдать. Остальные-то еще с вечера сидели, а вы профило-нили где-то, так что извольте.

– А-а... Ну, если традиция, то да, это святое.

– Вот и я о том же. Хотя... Вы ведь смотрели этот фильм раньше?

– Было дело.

– Не задумывались, почему таможенники мзду не брали? Да потому, что им шла едва не половина от конфискованного. Ни один контрабандист столько заплатить был просто не в состоянии.

– Это вы к чему?

– А ни к чему, вспомнилось просто. Ну, ладно, приятного просмотра, – и доктор, усмехнувшись в своей обычной манере, вышел. Хохмач чертов! Гадай теперь, что он хотел сказать. Или ничего не хотел.

Ну что же, традиции есть традиции. Пришлось смотреть, и фильм неожиданно затянул, хотя уж эту классику, несмотря на ее преклонный возраст, смотрел, наверное, каждый, кто живет в России. Да еще и не по одному разу. Однако же и впрямь посмотрел с интересом и неожиданно успокоил нервы. В общем, удалось заснуть, только вот спать оставалось всего ничего.

Неудивительно, что утром он был злой и не выспавшийся, представляя резкий контраст с товарищами по экспедиции. Не предположение – факт, утром себя в зеркало увидел и ужаснулся. Рожа опухшая, мешки под глазами такие, что хоть картошку в них складывай. И при этом, как ни странно, медосмотр показал, что все в пределах нормы. Врач, не Серегин, а местный, с базы, лишь улыбнулся и сказал, что у многих от волнения в первый раз и хуже бывает. В конце концов, это не старые времена, когда отбор в отряд космонавтов был строже некуда, и те, кто шел на космодром, обладали идеальным здоровьем. Сейчас требования снизились, так что он еще очень и очень ничего... Тьфу!

И все равно, остальные, даже такие же, как он, новички, выглядели до безобразия бодро. Хотя нет, Кривоносова идет, словно на плечах у нее груз килограммов этак в сто. Аж согнулась вся...

Это зрелище почему-то добавило ему настроения. Правда, через секунду оно ушло обратно, потому что к автобусу, который им подали, бодро подвалил Серегин, несущий, кроме здоровенной сумки с вещами, еще и гитару и болтающий при этом со своим приятелем. Два хохмача, нашли друг друга, чтоб их... Рты не закрываются, хотя, о чем языками мелют, не слышно – звукоизоляция в автобусе отменная. Достанут еще всех в полете. Оставалось радоваться, что он сел первым, и за тонированными стеклами не видно выражения лица, а то ведь от гримасы-то не сдержался. Черт! Лучше надо владеть мимикой, лучше, иначе какой ты профессор, тем более, с опытом работы в вузе...

А народ между тем загружался, перебрасываясь шуточками, даже вечно недовольная Демьяненко улыбалась и бодро отмахивалась от клещающего ее буквально с первого дня Виталия. Интересно, что он в ней нашел? Она лет на десять его старше, а вот, поди ж ты, Шекспир отдыхает. И все отвратительно веселые!

– Ну, чего скуксился? – прозвучало это настолько неожиданно, что он едва удержался, чтобы не подпрыгнуть. Оказывается, задумался и пропустил момент, когда подошел Романов. А ходил командир совершенно бесшумно. – Нервы?

– Они... Я ведь и на орбиту-то до того, как в экспедицию попал, не выбирался ни разу.

– Ну и ладно, все бывает в первый раз. Скажу по секрету, – тут Романов заговорщицки улыбнулся, всем своим видом показывая, что это секрет Полишинеля, – скоро планируется

запуск третьего этапа программы дальнего космоса, и эти полеты станут возможны из каждого большого города, как в обычную командировку. Так что налетаешься еще.

– Чувствую, я и сейчас налетаюсь.

– Не бурчи, как расстроенный желудок... – Романов хлопнул его по плечу и удалился на свое место. Одновременно закрылась, отрезая их от внешнего мира, дверь. Все, поехали.

Дорога, знакомая и привычная, такой же привычный орбитальный шаттл. Вот ведь как бывает, американцы их уже вечность не строят, а название стало нарицательным и приросло наглухо. Хотя и не похож он на старинные космические планеры совершенно, предки его приняли бы, скорее, за мифическую летающую тарелку. Но гравилету многое прощается, и сейчас именно такие шаттлы строились массово. Жаль только, дальний космос был для них недоступен.

Широкий пандус, пассажирский салон, кресла, фиксирующие тело, – скорее, традиция, перегрузки здесь больше номинальные. Народ с шутками и прибаутками размещается, гогочут словно гуси. Это раздражает, но надо терпеть. В конце концов, скоро все закончится.

Старт почти бесшумен, и перегрузки ощущаются не сильнее, чем в автомобиле, – побочный эффект работы двигателей, поляризующих гравитацию. Полчаса полета – и вот он, красавец! Экспедиционный корабль «Седов», краса и гордость дальней космической разведки. Даже жаль, что придется его покалечить. Но деваться некуда, задание придется выполнять.

Растащить вещи по каютам – минутное дело. Переодеться в рабочий комбинезон – тоже. И проплыть в кают-компанию, занять свои места в противоперегрузочных креслах. В этих комбинезонах все выглядели до безобразия одинаковыми, различаясь только цветом. У научной группы комбинезоны серые, у остальных – черные, а так – один в один. И это тоже почему-то вызывало сильнейшее раздражение.

– Ну, что, все готовы? – Романов блеснул зубами в ярком свете ламп. – Кто боится, может еще отказаться, после старта никто возвращаться не будет. Итак?

Вот он, шанс избавиться и от полета, и от бомбы! Вернуться на планету – и гори оно все синим пламенем! Стоп. А не покажется ли это подозрительным? Нет уж, пускай кто-то первый, а уж он потом, следом... Черт, и что они молчат?

– Да поехали уж, – лениво махнула рукой Петрова. – Здесь не малые дети собрались, все знаем, на что подписались.

– Ну, поехали – значит, поехали, – не стал спорить командир и направился в рубку, благо располагалась она совсем рядом, буквально за переборкой, и попасть в нее из кают-компания можно было напрямую. Даже заdraивать дверь, как по инструкции положено, не стал, пижон. Плюхнулся в кресло, остальные члены экипажа последовали его примеру. Секунд пять они дружно изображали картину «идеальный экипаж готовится к старту в неизвестность», после чего Романов щелкнул клавишей на пульте, запуская процедуру старта. И, в принципе, все, на этом участие человека закончилось, остальное делала автоматика.

Корабль на несколько секунд наполнился глубоким, ровным гулом – выходили на режим двигателя. Затем гул стих, зато вернулась сила тяжести – гравитационные двигатели помимо прочего обеспечивали членам экипажа этот недостижимый ранее комфорт. Правда, когда «Седов» разгонится и отойдет от планеты, мощность поляризаторов гравитации упадет, и они уже не смогут участвовать в разгоне. Таков уж их недостаток – работают лишь вблизи массивных объектов, вроде планет или хотя бы лун, причем, чем ближе – тем лучше. Но для искусственной гравитации их хватит в любом месте, и это радует.

Задумавшись, он упустил момент старта и понял, что полет начался, лишь по тому, как начала меняться картина в иллюминаторе. Сместилась неподвижно висевшая в центре станция, на которую их регулярно таскали тренироваться, зато вместо нее появился до того располагающийся вне поля зрения марсианский крейсер. Военные мигнули ходовыми огнями –

пожелали счастливого пути. Можно не сомневаться, Романов ответил, но отсюда этого не было видно. И только сейчас он понял: все, экспедиция началась, и пути назад нет.

Планета Земля. Это же время

Итак, старт экспедиции дан. Русские телеканалы уделили этому максимум внимания.

Русские вообще любят космос, это их фетиш. Они в свое время научились мастерски эксплуатировать идеи, и данный случай не исключение. Все трудности, а их хватает, временные и связаны с необходимостью выделения ресурсов на освоение космоса. Да, что-то у соседей лучше, зато именно русские дотянутся до звезд...

Космос, космос, космос, он у них, кажется, везде. Впрочем, это их дело. Плохо другое. Похоже, аналитики ошиблись. Все думали, что русские надорвутся, а они, напротив, прогрессируют, развивают технологии, а главное, входят в ту фазу, когда расходы наконец начинают окупаться. Начали работать заводы в поясе астероидов, и теперь оттуда идут металлы – никель, платина, уран и еще многие другие. И с определенного момента они стали дешевле, чем добываемые на Земле. Основную часть расходов составляет транспортировка, но русские нашли выход. Теперь выплавленные в космосе металлические бруски в десятки тонн весом просто выстреливаются в направлении Земли, возле которой их перехватывают корабли. Дешево и сердито. И результат соответствующий. Русские завалили рынок дешевым металлом, выживая с него всех остальных производителей. А главное, заградительные пошлины ввести не получается. Если действовать согласно международным договорам, продавленным теми же русскими после успешных войн, то пошлины незаконны, а если пытаться эти договора не учитывать, то русские настаивают на их соблюдении, не стесняясь применять силу, в том числе и военную. Словом, они разоряют конкурентов и не стесняются делать это.

Высокий, наголо бритый толстяк с багровым от жары лицом решительно встал, прошелся по комнате. Все, корабль ушел – свой ход русские сделали. Они стали очень самоуверенны, эти медведи, решили, видимо, что никто не рискнет им противостоять. Зря решили. Терпеть их доминирование больше нельзя, и для начала была санкционирована операция, задача которой – подрезать им крылышки. И с кораблем пошел агент, который сорвет экспедицию и заставит ее вернуться. Ну, это он так считает.

Агента, если честно, даже жалко. Перспективный человек, и планировалось задействовать его совсем для других целей, но сейчас не то время, чтобы перебирать харчами. Пришлось им пожертвовать, хотя агент, конечно, уверен, что вернется домой. Увы, увy, это – дорога в один конец. Бомба, которую ему дали с собой, вполне способна разрушить корпус «Седова». Это корабль новейший, наверняка вобравший в себя самые передовые достижения русских космических технологий, но все же не военный, запас прочности совсем иной. Стало быть, когда произойдет взрыв, «Седову» хана, а вместе с ним и всем, кто находится на борту. Конечно, агент считает, что бомба отключена, но тут уж, согласно русской же поговорке, блажен, кто верует. Таймер включается автоматически, и отключить его невозможно, это конструктивно не предусмотрено. Корабль уйдет подальше в космос, туда, где его следы уже никто не найдет, а потом «бах!» – и все, приехали. Зрелище наверняка получится феерическое.

Главное сейчас – задержать русских. Новую экспедицию готовить придется несколько лет, все же корабли такого класса не за полчаса строятся, да и экипажи не делением размножаются. А ресурсы русских окажутся раздроблены, им ведь придется каким-то образом отправлять грузы, которые не дойдут до адресата из-за гибели «Седова». Не дойдет груз – возникнут проблемы на марсианской базе и в поясе астероидов. На Марсе, положим, они решат любые вопросы, там база огромная, запасов с большим резервом, да и замкнутый цикл они задействовать смогут, снабжая себя воздухом местного производства и продуктами из оранжерей. Да что уж там, военный флот задействуют для перевозок. А вот на астероидах и на лунах

Юпитера проблем огребут массу, так что всего один булавочный укол затормозит космическую программу русских на два-три года. За это время очень многое может поменяться...

Хорошо еще, разведке нет смысла каждый раз запрашивать санкцию у Конгресса. Развели бы бюрократию – и упустили момент, там любой, даже самый срочный вопрос мурыжат годами. Из-за того и войну в свое время проиграли. К счастью, серьезные люди демократию одобряют и поддерживают, но не практикуют. Тем не менее, этот раунд Большой Игры надо оставить за собой любой ценой. Главное, не выпустить русских к звездам!

Борт исследовательского корабля «Седов». Двенадцать дней после старта

Поразительно, насколько быстро жизнь вошла в колею. Басов даже не перестраивался, режим на корабле оказался таким же, как и на базе, не потребовалось привыкать. Разве что экипажу пришлось распределить вахты, хорошо еще, в полете у них была полная взаимозаменяемость. Но, опять же, нельзя сказать, чтобы это кого-то чрезмерно напрягало – дежурили по одному, автоматика была на высоте. А научной группе оставалось только поддерживать физическую форму да убивать время, что каждый делал по-своему. Басов в основном перечитывал книги, до которых при его обычном ритме жизни не доходили руки, изредка разбавляя их узкоспециализированной литературой. Правда, именно что изредка – он всерьез подозревал, что будущий объект исследований весьма отличается от того, что можно узнать из книг. Почему он был в этом так уверен? Да просто геологическое строение каждой из исследованных планет Солнечной системы всерьез отличалось от всех остальных. Иной раз даже общих закономерностей не наблюдалось. Так что прилетим – посмотрим. Исходя из этой философской мысли он и валялся на койке, либо ходил в небольшой, но великолепно оснащенный спортзал. Ну, и с коллегами общался, куда же без них.

Кстати сказать, в том, что они долетят, Басов все же сомневался. Во-первых, из-за предстоящих испытаний двигателей, а во-вторых... Во-вторых, он все чаще открывал сумку или ящик стола и рассматривал свой незадокументированный груз. Поразительно, в самолете при посадке чуть ли не насквозь просвечивают, а здесь даже не спросили, что он взял с собой, и это наводило на мрачные размышления.

Чем уж занимались остальные, он старался не интересоваться. Принципиально – им лететь два, а может, и все три месяца, надоедят еще друг другу. Как, интересно, раньше люди в такие полеты отправлялись? Они ведь длились годами... Хотя, конечно, коллектив достаточно большой – это плюс. Есть, кому и чем заняться.

Серегин, к примеру, играл на гитаре. Много и с чувством. Не то чтобы он был виртуозом, но и не три блатных аккорда, так, нормальный средний уровень. Мог изобразить любую песню, причем не фальшивя или хотя бы почти не фальшивя. Так что по вечерам в кают-компании были вполне пристойные музыкальные вечера. Кстати, он оказался не единственным, кто умел извлекать из деревянного резонатора пристойные звуки. И сам Басов мог, научился еще в студенчестве и отточил в походах, и Иванов, и Романов... Исмаилов тоже умел, но не слишком любил. А лучше всех, к удивлению экипажа «Седова», играла Кривоносова. Эта крыска обладала на удивление хорошим слухом, да и голосом ее бог не обидел. В общем, нормально получалось.

Кстати, Басов, конечно, руку на отсечение не дал бы, но у их астрофизика, похоже, с Серегиним развивался вялотекущий роман. Даже интересно, что он в ней нашел, хотя о вкусах, как говорится, не спорят. Да и вообще, с учетом дефицита женского пола на борту возможны были любые коллизии. Вон, за Петровой активно ухлестывал Исмаилов, хотя вроде бы совершенно без ответных симпатий. А еще вокруг нее крутился Тимбитханов, с которым она уже не в первую экспедицию летела. И Павлов какие-то телодвижения делал... Шекспир отдыхает, в общем.

За Демьяненко ходили аж двое – Иванов и Коршунов. Это не считая самого Басова, который, правда, больше интересовался насчет поболтать – второй пилот оказалась на удивление интересным собеседником. Правда, разговаривать ее изначально было трудно, но сейчас вроде бы оттаяла. Что-то у этой женщины было за душой. Непонятно что, правда, но жить и нормально общаться с другими людьми ей это всерьез мешало. Веселая жизнь, короче, и лишь Романов выпадал из общей картины. Командир упорно крепился, это ему по должности было положено, да еще и ловко сглаживал острые углы, которые в маленьком коллективе неизбежны.

А так, полет шел исключительно ровно, четко по плану. Разогнавшись на гравитационных двигателях и уйдя от планеты, «Седов» перешел на классическую реактивную тягу, а затем в свободный полет. Если бы не было поляризатора гравитации, они бы вначале по креслам от ускорения размазывались, а дальше всю дорогу, пока корабль шел без ускорения, в невесомости плавали, но сейчас полет проходил в комфортных условиях. Разве что каюты невелики, ну да это ерунда, даже на Земле, особенно в экспедициях, иной раз бывало хуже, а по молодости, помнится, и вовсе случалось, что куча соснового лапника за роскошь шла. В общем, жаловаться было не на что. До сегодняшнего дня.

С утра его разбудил сигнал тревоги. Противный такой звук, вроде бы и негромкий, но жестоко режущий уши. Басов вскочил, будто ужаленный, приложился головой о верхнюю полку, на которую закинул свои вещи, зашипел от боли... Да что там случилось? Рывком натянув комбинезон, он привычным движением защелкнул широченный пояс, ощутил знакомую, успокаивающую тяжесть кобуры. Пистолет он привык носить во время экспедиций, где была велика вероятность нарваться на медведя, и потому всегда имел его при себе. Большинство русских, конечно, имели дома оружие, благо право на его свободное ношение прописали в Конституции еще сорок лет назад, но вот привычка таскать его с собой постоянно выработалась далеко не у всех. Тем более здесь, на корабле, да еще и тяжелые штатные дуры. Вот и сейчас, среди оказавшихся в коридоре пистолет был только у него да у Демьяненко.

Коридор был сравнительно узким. Разумеется, он не шел ни в какое сравнение с переходами станций, в которых годами вынуждены были обитать первопроходцы земной орбиты, но все же собравшемуся здесь экипажу было тесно. Хорошо еще, что освещение было организовано очень грамотно и люди при всем желании не могли загородить друг другу свет, но плечами и задницами толкались капитально.

Дверь в каюту Тимбитханова была распахнута настежь, но из-за спины Иванова, закупоривающего проход, словно гигантская пробка, ничего было не разглядеть. Впрочем, уже через пару минут он буквально шарахнулся, выпуская Серегина, и Басов успел рассмотреть лежащего на кровати штурмана. Глаза его были открыты и смотрели в потолок, лицо бледное и какое-то странно неподвижное. От этого зрелища Басову почему-то стало жутко, да и не ему одному, похоже, дышащий в спину геологу Исмаилов шарахнулся назад.

– Кончено... – Серегин какими-то невероятно четкими, замедленными движениями вытирал руки. Пропитанная спиртом салфетка благоухала, и этот запах почему-то вдруг показался Басову отвратительным. Лицо доктора, обычно веселое, напоминающее формой луну с мелкими кратерами оспин, сейчас осунулось, черты его заострились.

– Что? – хрипло выдохнул Романов, совсем потерявшийся за спинами более рослых товарищей.

– Инфаркт. Обширный. Вскрытие даже делать смысла нет, хватит томографии.

– Но так же не бывает. Заснул и не проснулся – это у стариков...

– Да у кого угодно, – устало отмахнулся доктор. – Ночью приборы в течение часа фиксировали резкие колебания магнитных полей. От этого и на Земле наблюдается увеличение количества инфарктов, а уж здесь... Э-эх!

Все молчали. Да и чего было говорить? Басов не мог представить Тимбитханова мертвым. Видел – а представить не мог. Всегда сдержанный, спокойный, их штурман не был душой

компании – но и представить экипаж без него... А главное, абсолютно здоровый человек, призер Континентальных игр, с легкостью отрывающий от земли колоссального веса штангу! И вот он лежит в каюте, кукла в человеческий рост, в которой нет ничего живого.

В этот день на корабле царило молчание. Разговаривали только по делу, никакого веселья, никаких улыбок, пустовал спортзал. Даже обедать ходили порознь, стараясь не сталкиваться с остальными и не смотреть друг другу в глаза. Смерть товарища, неожиданная и нелепая, подействовала на людей угнетающе. Басов валялся на койке, бездумно глядя перед собой, и даже читать не пробовал. Смерть товарищей он видел. Не раз, откровенно говоря, видел, но впервые это вызвало у него такой набор эмоций. Остальные, похоже, также ощущали нечто подобное, и вокруг корабля словно бы сгустилась темная, почти физически ощутимая мрачная аура.

Уже вечером Басов зашел в кают-компанию выпить кофе. Спать не хотелось абсолютно, на корабле стояла давящая вязкая тишина, даже дверь в рубку была наглухо задраена. Профессор думал, что он последний и никого здесь больше не предвидится, но ошибся. На глубоком мягком диване, стоящем в углу, сидела Петрова, отрешенно глядя перед собой.

Басов ходил не то чтобы совсем бесшумно, но тихо, что помогало в лесу и нервировало студентов. От этой привычки он не избавился и здесь, поэтому, обнаружив Петрову, просто шагнул назад, однако женщина услышала, подняла голову:

– А, Сергей... Не стой на пороге, заходи. Пить будешь?

В руке у нее материализовались стакан и небольшая, где-то на пол-литра, фляжка. Сочно булькнуло содержимое. Почти полная, механически определил Басов. Вообще-то, спиртное на борту против всех и всяческих правил, в космосе многое запрещено. Вот только все обходят подобные запреты и смотрят на это сквозь пальцы. Главное – не злоупотреблять. В конце концов, у самого профессора тоже имелся НЗ, две по ноль тридцать три, так что незачем строить из себя святого. Не поймут, да и вообще случай явно не тот.

– Наливай.

Петрова кивнула и плеснула в стакан до половины янтарной жидкости. Басов принял – виски. Настоящий, шотландский. Очень недешевая штука. В стоящий на столе второй стакан женщина налила столько же, тютелька в тютельку. Судя по движениям, она уже изрядно приняла на грудь, но руки не дрожали, а точность и вовсе была поразительной. Сразу видно – много работала в лаборатории, очень хорошо поставлен глазомер, а опыт и впрямь не пропьешь.

– Та-ак, что это мы тут делаем?

На пороге материализовался Исмаилов. Хмыкнул, глядя на них, потом вздохнул:

– Примете в компанию?

– Давай, – Петрова махнула рукой.

– Тогда я сейчас принесу...

– Потом принесешь. Если потребуется. А у меня еще есть, – тут она ткнула пальцем, и, проследив за ее жестом, Басов только сейчас обнаружил возле стены еще две фляги. Одна маленькая, открытая и, похоже, уже пустая, а вторая – совсем как та, из которой сейчас производили распределение живительной влаги. М-дя, Петрова не мелочилась.

Исмаилов не стал жеманиться, просто достал еще один стакан, получил в него свою порцию и поерзал, удобнее устраиваясь в кресле. При этом он стал на миг похож на огромного, чуть нескладного грифа. Вздохнул, приподнял посудину:

– Ну, помянем.

Выпили молча, не чокаясь и не закусывая. Петрова сразу же, без паузы, налила еще. Повторили. Шибануло так, что выдавило слезу из глаз. Рядом свирепо закашлялся Исмаилов, потом встал, выудил из холодильника нарезанную ветчину, поставил на стол, и все немедленно закусили.

- Ф-фу... Мне дед бы за такое по горбу так врезал, что неделю бы отлеживался...
- Мне тоже, – кивнул Басов. – Он у меня из староверов, пьянку на дух не переносил.
- А твой?
- А мой считал, что правоверному свинину есть нельзя и вино пить. Крепок был в вере.
- Успокойся, это не вино, да и свинину в походе можно.
- Э-э, – махнул рукой Исмаилов. – Старикам этого не объяснишь.
- Это точно, – вздохнула Петрова. – Твой сколько прожил?
- Он и сейчас живой. Ему семьдесят восемь только. А твой?
- А мой погиб. Он во время Большой Прибалтийской дивизией командовал – ну и подорвался на mine. Случайность. А твой, Сереж?
- Умер три года назад. Ему уж за девяносто было.
- Ну, хоть мы остались, род не прервался, – кивнул Исмаилов. – А у...
- Тут он осекся, но все поняли, о чем он. Петрова опять вздохнула:
- Дети. Трое. Надо будет, как вернемся, помочь.
- Никаких проблем, – не раздумывая, ответил Басов. Исмаилов лишь кивнул согласно. – Ты его хорошо знала?
- Ну, как хорошо... Я с ним дважды в экспедиции ходила. На Меркурий и к лунам Юпитера. Штурман он был замечательный, и человек – тоже. Как-то на Меркурии он нас всех спас.
- Это как?
- Знаешь, Валер, так, как он, никто не сможет. У нас вездеход в трещину провалился, так Володя успел схватить за заднюю ось, другой рукой уцепился вообще непонятно за что и удерживал его, пока все не выбрались. Сила тяжести на Меркурии, конечно, не как у нас, но все же...
- Да уж, – подумал Басов. – Удержать вездеход – это надо обладать воистину нечеловеческой силой. И так нелепо...
- А Петрова разлила по третьей, четко распределив то, что осталось во фляге, вздохнула:
- Ну, давайте, что ли...
- Выпили, крикнули, закусили. Бледные щеки планетолога наконец порозовели, да и Исмаилов вроде бы оттаял, хоть и не до конца. Спросил, почему-то мрачно глядя в пол:
- А у вас как с детьми?
- У меня сын, – кивнула Петрова, ничуть, кажется, не удивившись вопросу. – Восемь лет парню. И как вернусь, буду думать о втором. Пора уже. А у тебя?
- Трое. Живут с матерью.
- Развелся, что ли?
- Ну... да.
- А что так?
- Спросите у этой... курицы.
- Если жена курица, то и муж явно не орел, – не удержался от язвительного комментария Басов. Исмаилов не обиделся, только рукой махнул:
- Жизнь – штука сложная. А у тебя?
- Двое. И тоже... с матерью.
- А что так?
- Однажды не дождалась из экспедиции. Впрочем, я ее не виню. Самому думать надо было.
- Когда в экспедицию уходил?
- Нет, когда женился.
- Все, хватит о грустном, – прервала их Петрова, доставая следующую флягу. – Ну, поехали!

В каюту Басов вернулся уже далеко за полночь и рухнул в койку. Все, на сегодня впечатлений было достаточно.

Борт корабля «Седов». Два часа спустя

Он проснулся от странного ощущения опасности. Лежал несколько минут, не понимая, что его вызвало, и лишь когда сон окончательно его отпустил, понял: бомба. Именно она явилась причиной беспокойства, не отпускающего уже который день. Черт!

Он встал, подошел к столу, выдвинул ящик и посмотрел на нее. Лежит среди ручек, почти не отличимая от них, разве что вдвое толще и в разы тяжелее. Даже стержень есть, писать можно.

Осторожно коснулся пальцами блестящего металлического корпуса – и с трудом удержался от вопля. Ему показалось, что бомба ожила. Этого не могло быть, но все равно казалось, что она лежит и смотрит на него. Живет своей странной, механической жизнью. Бред, конечно, вот только от бомбы следовало избавиться. Хотя бы ради здоровья собственных нервов.

План, как отделаться от внушающего священный трепет груза, родился словно бы сам собой. Он, конечно, обдумывал эту мысль и раньше, но все, что приходило на ум, это отправить ее в мусорный контейнер. Только вот что будет потом... Мусор не сбрасывали в космос, на корабле стоял реактор-конвертор последнего поколения, и все отходы, которые нельзя было использовать в замкнутом цикле, отправлялись в него, давая в результате дополнительную энергию. Все просто, но остается один вопрос – как на это отреагирует сама бомба. Какая у нее начинка, даже представить было трудно, разных типов взрывчатки люди изобрели вагон и маленькую тележку. А ну как рванет?

Представить себе взрыв конвертора было несложно. Лет десять назад, когда их только начали изготавливать, на Луне рванул экспериментальный образец. В результате образовался новый кратер, видимый даже в не очень сильный бинокль. И это притом, что мощность того реактора меньше установленного на «Седове» раз в двадцать. Нет, конечно, если он рванет, люди не успеют даже ничего почувствовать, но это почему-то выглядело слабым утешением.

А сейчас, то ли от испуга, то ли еще от чего, мозг выдал результат. Завтра похороны. Тело штурмана не отправят в реактор, это против всех традиций. Похороны – это значит, что Тимбитханов упокоится в космосе. Вот он, шанс!

В первый раз с момента отлета он заснул спокойно и едва не проспал. Не услышал будильника, и все тут. Однако же успел, в последнюю минуту, и принял посильное участие в одевании покойного. Не такой уж и простой процесс, кстати. Никаких комбинезонов – только парадный мундир, в рукав которого, собственно, и удалось сунуть бомбу. Все регалии, а их у Тимбитханова оказалось столько, что грудь его напоминала кольчугу. Потом тело помещают в специально сделанный в мастерской алюминиевый гроб, наглухо его запаивают и торжественно выносят в шлюз...

Он стоял у иллюминатора, рядом с остальными, и внимательно следил за тем, как гроб плавно выплыл в космос. А дальше сердце буквально сжалось, потому что он не улетел в дальнее далеко. В точном соответствии с законами механики Тимбитханов летел теперь рядом с кораблем, словно почетный эскорт, и зрелище гроба на фоне звезд выглядело жутковатым и чуточку сюрреалистичным.

А вот теперь стоило начинать бояться. Потому что если бомба все же решит взорваться, то на таком расстоянии она пропорет обшивку корабля, словно бумажную. Именно напротив гроба не было дополнительной стены из грузовых контейнеров, так что удар придется по жилой и технической палубам. И вот тогда мы поохочем...

Оставалось уйти в каюту, сидеть там и не отвечать, чтобы случайно не выдать своих чувств. Хорошо еще, отнеслись с пониманием, небось, думали, что переживает из-за смерти

товарища. Дебилы! А проклятый гроб висел почти напротив иллюминатора и никуда не собирался исчезать.

Следующие пять дней он вынужден был любоваться этим зрелищем почти постоянно. Как вариант, можно было задраить иллюминатор, но тогда становилось совсем уж тоскливо. Знал ведь, что никуда начиненный взрывчаткой гроб не делся. Однако к концу третьего дня он поймал себя на мысли, что вид летящего в пространстве гроба перестал его раздражать. Человек – скотина такая, что привыкает ко всему, в том числе и к таким зрелищам. Тем более что приближалось время торможения, когда их корабль начнет сбрасывать ход. У гроба же тормозных двигателей не предусмотрено, и унесет его куда подальше. В общем, на пятый день он мог уже смотреть на него с улыбкой и даже с легкой ностальгией. А в ночь с пятого на шестой день гроб исчез.

Он проснулся и, даже не глядя в иллюминатор, в темпе оделся и выскочил в коридор. Утренняя разминка, опоздание на которую Павлов не прощал и гонял за это до седьмого пота, выглядела куда более важной, чем успевший опостылеть вид на космос. Тем удивительнее оказалось, что народ во главе с тренером, вместо того чтобы спешить на нее, толкался на смотровой площадке, возбужденно жестикулируя. И, когда он подошел, то почти сразу понял, что произошло. Космос вновь был чист.

Товарищи возбужденно спорили, активно строя гипотезы, а ему было ясно все и сразу. Сработала бомба, вот что произошло. И полетели клочки по закоулочкам. Но... почему же цел корабль? Почему даже сотрясения никакого не было? И мозг тут же выдал ответ, простой и логичный. Удивительно, что он не додумался до этого раньше, такая замедленность мышления непростительна ученому. Конечно же. Взрыв произошел в безвоздушном пространстве.

Ударной волны просто не возникло, и потому никаких повреждений и быть не могло. Разве что, будь взрыв ядерным, но бомбу таких размеров можно изготовить только из очень активных материалов. А они будут фонить так, что экранировать не удастся, сканеры засекут ее мгновенно. Так что остается обычная взрывчатка. И нечего было так нервничать, идиот!

Поразительно, насколько происшедшее подняло ему настроение. И лишь спустя пару часов до него дошло: бомба все же была включена. А раз так, значит, его уже заранее списали. И что теперь делать? Затаиться и сидеть тихонечко или все же попытаться выполнить задание и вывести из строя что-то важное?

Наверное, спокойно досидеть до конца экспедиции было бы самым правильным. Вот только глодала сердце мысль, что, когда он вернется, бумаги на него уже уйдут куда следует. И какие будут последствия, страшно было даже представить. Это не прибежать сразу же и доложить о попытке вербовки, это совсем другое. По голове не погладят однозначно, а зоны он боялся смертельно.

После долгих раздумий он все же склонился ко второму варианту, решив, правда, отложить его реализацию. Просто смысла не было начинать сейчас, это даже куратором обговаривалось. До Марса они в любом случае дотянут, а там военная база с неплохим ремонтным доком. Живо приведут корабль в порядок. Так что пришлось ждать, скрипя зубами от негодования. Впрочем, не так уж и долго оставалось ждать – уже вечером корабль приступил к торможению.

Рубка «Седова». Тот же вечер

– Ну, что скажете, Ирина Васильевна? – контрразведчик неторопливо потягивал чай из высокого граненого стакана. Старомодная посуда выглядела среди хрома и пластика несколько архаично, если, конечно, не знать, что этот стакан вполне способен выдержать удар кувалдой.

– По поводу? – Демьяненко сидела в своем кресле, вытянув идеально стройные ноги, и спокойно, без тени каких-либо эмоций, накладывала макияж. Создавалось впечатление, что

ее ничего больше не волнует, движения были точны, как у робота, даже зеркало пилоту не требовалось.

– По поводу нашего штурмана.

– А чего говорить? Умер человек, бывает. Я с его обязанностями вполне справляюсь, а в поясе астероидов Игорь Петрович подстрахует, если потребует. У военных помощи можно попросить, но думаю, обойдемся и без этого.

– Не придуривайся... – Романов, сидящий за своим пультом и что-то сосредоточенно рассчитывающий, движением руки смахнул с экрана записи и, встав, прошелся по рубке. – Я про ситуацию с его телом.

– Мы же договорились вроде о версии с метеором. Технически я другого варианта, объясняющего исчезновение гроба, и не вижу.

– Три раза «ха!», – тоном, показывающим, что ему совершенно не смешно, прокомментировал ее слова контрразведчик. – Это для... гм... пассажиров еще кое-как прокатило, хотя и они, думаю, не все поверили. Но мы-то понимаем простую вещь: сама по себе вероятность встречи с метеором здесь стремится к нулю. Сколько мы их встретили за время полета?

– Приборы зафиксировали три удара, – Демьяненко закончила наносить макияж, извлекла маникюрный набор и начала аккуратно подравнивать ногти изящной пилочкой.

– И все три имели такую массу, что оставили на внешней обшивке только царапины. Даже слой краски не смогли пробить. А теперь скажите мне, вы верите, что в ящик размерами метр на два угодил крупный метеор, способный его сбить с курса?

– Нет, – все так же бесстрастно ответила женщина, не переставая доводить свой маникюр до идеального состояния. – Однако это роли совершенно не играет.

– Почему? – одновременно спросили оба мужчины.

– Потому что у нас не хватает информации для серьезного анализа, а гипотезы мы можем строить сколь угодно долго. Подтвердить и опровергнуть их мы все равно не можем, так что равновероятно и появление инопланетян, и то, что наш механик каким-то образом приделал к гробу реактивный двигатель.

Доля правды в ее словах была, и некоторое время в рубке царило молчание, прерываемое только звуком постукивающих по подлокотнику пальцев. Контрразведчик, расположившийся в кресле Тимбитханова, своего ему в рубке не полагалось, задумчиво барабанил по пластику, похоже, даже не слыша звука. Потом он с шумом отхлебнул чай и вздохнул:

– Как бы то ни было, оставить ситуацию без внимания мы не можем. Это напрямую угрожает безопасности корабля и ставит под угрозу выполнение задания. Стало быть, надо предпринять хоть что-то. То, что в наших силах. Так что отбросим версии об инопланетянах и двигателях как тупые, о метеоре как маловероятную и сконцентрируемся на том, что в происходящем каким-то образом виноваты находящиеся на борту. Что они могли сделать?

– Да, в общем-то, ничего. Разве что динамитную шашку внутрь сунуть, – пожал плечами Романов. – Хотя я бы предположил, что все проще. Гроб мы заваривали, внутри оставался воздух. Если шов где-то оказался некачественным и треснул, то возникшая струя изменила его траекторию полета, и он улетел прочь. Чем не версия?

– Хорошая версия, – кивнул, подумав секунду, контрразведчик. – К сожалению, тоже непроверяемая. И версия с динамитом тоже хорошая, причем меня она пугает.

– Вы параноик, – усмехнулась Демьяненко. – Во-первых, кому и зачем потребовалось взрывать гроб? А во-вторых, где он взял динамит?

– Динамит – это я так, образно, – контрразведчик махнул рукой. – Этих взрывчаток сейчас развелось столько, что не сосчитать и не отследить. А вот зачем – это вопрос посерьезнее. Так что, может, я и параноик, но проверить эту версию все равно придется.

– Проверяйте, – кивнул Романов. – Откровенно говоря, я не верю, что на борту завелся псих, который балуется со взрывчаткой. Да и она есть только в контейнере с геологическим

оборудованием. Ах да, еще в контейнерах с оборудованием для горнопроходческих работ. И те, и другие опечатаны. Но проверить все равно нужно, мало ли, пренебрегать даже гипотетической угрозой не следует. Вы специалист – вам и карты в руки. Плюс, мы на виду, а вы – нет. Но вот как это удастся сделать – ума не приложу. Там мы все были, все толкались, и никто ничего не заметил.

– Да знаю я, – контрразведчик с досадой махнул рукой. – Сложно, конечно. Буду думать.

– Если что, обращайтесь в любое время дня и ночи. Но, думаю, стоит держать ваши соображения в тайне. Не стоит нервировать людей.

– Само собой, – кивнул ему контрразведчик.

– Ну, вот и ладненько. А теперь идите, нам с Ириной Васильевной через полчаса торможение начинать.

– Гм... А можно я останусь? Никогда на таких кораблях при маневрах не присутствовал.

Если контрразведчик хочет на что-то посмотреть, вряд ли он делает это из праздного любопытства. Скорее всего, он намерен оценить ходовые возможности корабля. К этому выводу пилоты пришли синхронно.

– Почему нет? Оставайтесь. Но только ничего не трогайте.

– Я что, похож на идиота? – в голосе контрразведчика прозвучали нотки обиды.

– Знали бы вы, сколько идиотов успешно притворяются нормальными людьми. Но все равно, хотя допуск к пилотированию у вас теоретически имеется, ничего не трогайте.

Контрразведчик кивнул и, допив свой чай, с интересом начал наблюдать за действиями пилотов. Хотя наблюдать там было, откровенно говоря, особенно и нечего. Тестирование систем – это только запустить соответствующие программы. Потом запуск автопилота, который в назначенное время, с точностью до долей секунды, включил тормозные двигатели. В глазах на миг помутилось – тяга двигателей наложилась на искусственную гравитацию, и на том все интересное, собственно, закончилось. Огромный корабль начал плавно замедлять свой бег через пространство, и длиться этот процесс должен был несколько суток.

Разумеется, это не было похоже на лихие маневры аэрокосмических истребителей. И на то, как тормозят военные корабли, – тоже. При сравнимых массах покоя запасы прочности полугрузового исследовательского судна и бронированного крейсера рознились принципиально, да и не ставилось конструкторам «Седова» задачи научить корабль «вальсировать». Торможение, как и разгон, проходил сравнительно неторопливо и даже скучно. Тем не менее, контрразведчик просидел в рубке еще с полчаса и лишь затем отправился к себе. После этого пилоты наконец вздохнули с облегчением – ощущать постоянно наблюдение за собой далеко не самое приятное чувство. Даже если ты первый после Бога.

– Ну, Ирин, а теперь что скажешь?

– Скажу, что он параноик. Но лучше параноик, чем разгильдяй.

– И я тоже так думаю, – вздохнул Романов и, выведя на терминал данные, приступил к расчетам, беззвучно шевеля при этом губами. Сегодня была его очередь замещать вакантную должность штурмана.

Пассажирская каюта. Одновременно с разговором в рубке

Ситуация ему совершенно не нравилась. В версию с метеором, озвученную полчаса назад в кают-компании, он не верил ни на грош и не сомневался, что Романов тоже в нее не верит. Просто командир сказал то, что все объясняло и могло успокоить перевозбужденных ученых. Те и успокоились – то ли поверили, то ли заставили себя поверить. А вот он не поверил, поскольку хорошо понимал, как мала вероятность встретиться с летающим булыжником, да еще в этом, считающемся крайне спокойным секторе. Не положено ему, кадровому разведчику, верить в чепуху. И возникал закономерный вопрос: так что же здесь происходит?

Вот на него ответить не получалось никак, хоть ты головой о стену бейся. И это не только выводило из себя, но и ставило под угрозу миссию вообще. А если не удастся ее выполнить, то проще самому выпрыгнуть из корабля. В космос и без скафандра. Такое допустить нельзя, равно как и дать возможность русским освоить технологию межзвездных перелетов. Если это произойдет, то догнать их будет невероятно сложно, а то и вовсе невозможно.

Но что бы ни происходило, допустить возникновение проблем до того, как начнутся испытания, нельзя. Требуется снять параметры, которые позволят впоследствии воссоздать двигатель у себя, на Родине. Их маленький остров, центр некогда могущественной империи, достоин того, чтобы его величие снова проявилось во всей красе. Сейчас, когда в Америке царил бардак и янки не могли больше диктовать миру свои условия, а убогое детище бюрократов, Евросоюз, канул в лету и не путался под ногами всего адекватного мира, шанс на это стал как никогда реален. Вот только русских бы еще обойти. А они, сволочи, не собираются вновь становиться вторыми, третьими или десятыми. Они согласны быть только первыми и не церемонятся с теми, кто этого не понимает. Вот потому и надо было ударить там, где они чувствуют себя непревзойденными, а стало быть, теряют осторожность – в космосе. И для этого просто необходимы новые двигатели!

Идеально, конечно, если удастся захватить корабль. И шансы, кстати, имеются. Но это уже максимум, на что можно рассчитывать. Но даже просто снять параметры и после этого уничтожить «Седова» должно хватить. Только вот...

Только вот русские – не дураки. Здесь наверняка должен находиться офицер службы безопасности. Может, даже не один. И его произошедшее не может не насторожить. Кто бы ни был тот идиот, что сотворил это безобразие с гробом, он опасен, в первую очередь, своей глупостью. Устроит еще чего-нибудь – и либо русские начнут шерстить всех подряд, либо и вовсе с кораблем что-нибудь случится. И что тогда?

О том, что произойдет в этом случае, даже думать не хотелось. Гибель корабля – смерть. Быть рассекреченным русскими... Еще вопрос, что хуже. У них для иностранцев предусмотрены наказания куда худшие, чем для своих. Сгниешь заживо на лесоповале или на уране. И родная контора не заступится, не в ее это правилах.

Мерзко это все. Он вообще не должен был лететь, но где-то там, наверху, решили, что задание ответственное, а значит, и задействовать надо профессионала, а не завербованного агента, который, вдобавок, может оказаться ненадежным. И теперь придется бороться за собственную шкуру. Ух, попадется ему этот шутник, что так испортил всю игру, – пожалеет, что на свет родился. Или не пожалеет – не успеет просто.

Разведчик встал, прошелся по каюте. Не хотелось спать, ну вот хоть тресни. А надо, скоро Марс, и следует быть в форме. Хотя бы для того, чтобы получить хоть какую-то информацию об их военной базе. Смешно, но на Марсе не имелось ни одного их агента, русская контрразведка работала совсем неплохо. Все же там служат хорошие профессионалы и грамотные параноики. И пойманных агентов (а только их разведка за последний год потеряла – в попытках проникнуть на марсианскую базу – троих) они вышвыривают в космос. К горлу подкатился мутный ком злости, рожденный и замешанный на зависти. Зависти к русским, которые делают, что хотят, летают, куда хотят, и плюют с орбиты на мнение остальных. Злости на то, что приходится так по-глупому рисковать.

Откровенно говоря, он не считал себя злым человеком. Да и вообще, человек по натуре своей – существо милое и доброе. Если он не в танке. А человека в танке лучше всё же не злить. Сейчас вокруг даже не танк, космический корабль, имеющий шансы стать впоследствии первым земным звездолетом. И все равно, процесс выполнения задания протекает неравномерно и противоречиво с трудноуловимой закономерностью. Или, как говорят русские, через жопу. Так что хочешь, не хочешь, а подавляй эмоции. Холодная голова – непременный атрибут разведчика, и тот, кто о ней забывает, очень быстро становится мертвым разведчиком.

Эта мысль почему-то подействовала успокаивающе. Бухнувшись на кровать, он натянул одеяло, подумал, что сейчас в космосе можно жить относительно комфортно, и провалился в глубокий, здоровый сон. А корабль продолжал лететь, пронзая темное пространство космоса, и лишь вахтенный офицер, развалившийся в пилотском кресле в рубке, бодрствовал на его борту...

Двое суток спустя. Орбита Марса

Марс, как и положено богу войны, смотрелся внушительно. Красная, точнее, насыщенно-оранжевая планета медленно поворачивалась в иллюминаторе. Слабенькая, почти прозрачная атмосфера, лишенная даже намека на облака, позволяла насладиться незабываемым зрелищем, глядя на которое многие уже минут через десять начали... зевать. Да-да, именно так. Безжизненностью от Марса веяло за парсек, и рассматривать однообразные пейзажи оказалось на редкость скучно. Особенно, наверное, Романову, который бывал здесь уже не раз.

Да и в самом деле, все прогнозы футурологов по поводу возможного освоения Марса оказались совершенно оторванными от действительности. В первую очередь потому, что на этой планете не было ничего, в чем бы люди остро нуждались. Марс оказался на диво беден ресурсами, а те, что были, залегали так глубоко, что добыча их выглядела делом заведомо убыточным. Дело еще могла бы исправить какая-нибудь «изюминка», встречающаяся только здесь, ведь людям всегда не хватает того, чего у них нет и быть не может. Увы, на Марсе с этим тоже как-то не сложилось.

Даже колонизация с целью спастись от перенаселения ему не грозила: во-первых, после цепи войн население Земли и так уменьшилось на четверть, а во-вторых, единственная страна, которая могла технически хотя бы попытаться осуществить колонизацию, и без того от недостатка территорий не страдала. В общем, на поверхности планеты расположились несколько автоматических станций, ползали автоматы-разведчики да спускались туда изредка ученые, благо технически это было просто. Но никаких городов под куполами или подземных галерей, набитых людьми, как в старых фильмах, на Марсе так и не появилось, и в обозримом будущем не планировалось.

Зато орбита планеты представляла собой полный контраст с ее поверхностью. Количество станций и спутников, висящих на ней, уступало таковому разве что у Земли. Более того, здесь располагалась самая большая орбитальная станция из когда-либо построенных человечеством. Хотя, откровенно говоря, задействована эта громадина – с массой покоя свыше сорока миллионов тонн – была от силы процентов на десять.

Особого смысла в строительстве такой станции у русских не было, но в тот момент, когда решение было принято, считали иначе. Во-первых, планировалось создать на орбите Марса полноценную инфраструктуру для военного флота, включающую верфи, способные строить новые корабли. Впоследствии, правда, аппетиты военных оказались серьезно урезаны за ненадобностью – перелеты к Земле упростились, а потому с определенного момента отправляться на ремонт и обслуживание домой стало и проще, и дешевле, однако процесс большого строительства уже был запущен и отменять его не стали. Ну а, во-вторых, здесь проводили обкатку новой методики создания орбитальных станций, и марсианская платформа стала для этого отличным полигоном.

Для строительства не везли с Земли модули – это дорого и малоэффективно. Имеющие колоссальный опыт орбитального строительства и длительной эксплуатации космических станций русские пошли иным путем. На тот момент как раз планировали закладывать экспериментальные заводы в поясе астероидов, и систему транспортировки продукции решено было испытать здесь. Только вместо металлических блоков в полет отправляли сами астероиды небольших размеров. Оставалось только перехватить их на подлете и скорректировать курс таким образом, чтобы вывести глыбы камня и металла на орбиту Марса.

Здесь астероиды, которым судьбой было уготовлено стать строительным материалом, связывались в единое целое, после чего в их недрах выплавляли ходы, каюты, склады... Толща камня надежно защищала от излучения, большая масса придавала устойчивость, что было важно при швартовке кораблей. Вдобавок, часть глыб оказались ледяными – их специально запустили сюда с орбиты Юпитера, благо там подобного добра хватало. Это позволило обеспечить станцию водой на годы вперед. Впоследствии лед отправляли сюда еще не раз – он стал крайне востребованным. Завод по производству топлива для кораблей производил на его основе дейтерий и тритий. Изотопы водорода, собственно, и являлись главными компонентами топлива для планетолетов, так что Марс из убыточного превратился наконец в нормальное предприятие, обеспечивающее главное – возможность продолжать разведку в космосе и снабжать флот, как гражданский, так и военный. В качестве побочной продукции завод вырабатывал кислород, который также оказался востребованным.

Увы, на Марсе пытались обосноваться не только русские. Альянс совместно с Европой и, ограниченно, Японией, тоже попытался создать здесь базу. Кстати, безуспешно. У них были худшие корабли, не имелось поляризаторов гравитации, да и маршевые двигатели оставляли желать лучшего, зато объединенные ресурсы превосходили то, что выделила на освоение Марса Россия. И в один прекрасный день на орбите планеты появилась эскадра в два десятка вымпелов и заявила невятные претензии на желание застолбить территорию.

В качестве контраргумента русские предъявили четыре крейсера, и конфликт затих сам собой, так и не начавшись. Все же четыре гравилета, утыканных орудиями и имеющих полную свободу маневра, способны были разделить эскадру набитых людьми, связанных инерцией и слабой энерговооруженностью кораблей по рукам и ногам в считанные минуты. Так что претензии отпали, а вот желание зацепиться за Марс осталось.

К удивлению непрошенных гостей, русские не стали мешать. Что называется, пожали плечами и отмахнулись – делайте, что хотите, да и все тут. Под ногами, главное, не путайтесь. Однако удивление удивлением, а дело делом. Выходцев из Альянса никто бы не смог назвать людьми нерешительными. Тем более тех, кто связал жизнь с космосом. Да и остальные участники авантюры подобрались им под стать. Поэтому, убравшись на другую сторону планеты (русские предупредили, что бултыхаться рядом и наблюдать за монтажом станции они никому не позволят), вновь прибывшие авантюристы занялись делом. Под бдительным присмотром одного из крейсеров, они принялись исследовать планету, тратя время и силы, чтобы получить сведения, известные русским давным-давно. Вот только делиться с ними информацией никто не собирался, так что пришлось попотеть самим.

Надо отдать за океанским ученым должное: к выводу об абсолютной бесперспективности обустройства базы на планете они пришли достаточно быстро. Впрочем, это был один из вариантов, предусмотренных теми, кто составлял программу полета, так что обустраивать базу они начали на Деймосе, к которому русские не проявляли ни малейшего интереса. Вот Фобос – тот да, на нем расположились станция контроля пространства, аппаратура дальней связи и кое-что еще, по мелочи, а Деймос оказался русским совершенно неинтересным.

В чем проблема, они выяснили намного позже. Как оказалось, русские не использовали естественные спутники Марса, а начали строить искусственную орбитальную станцию не от хорошей жизни. Они провели немало времени и потратили много сил, изучая каменные глыбы на орбите планеты, и пришли к неутешительным выводам. Некогда захваченные тяготением планеты небольшие астероиды имели крайне нестабильную структуру. Проще говоря, могли разрушиться при попытке вести строительство, к примеру, при проведении взрывных работ. Фобос еще можно было использовать, а вот Деймос не обещал ничего, кроме проблем.

Однако выбора у непрошенных гостей не оставалось. Им нужен был хоть какой-то результат, возвращаться несолоно хлебавши – это провал миссии, за который спросят так, что мало не покажется. И так как вариант с Марсом из-за невозможности основать там постоянную базу

выглядел провальным, а Фобос русские застолбили, что подтверждалось международным правом и военным флотом, то выбора особого и не было.

К чести инженеров Альянса, они смогли-таки построить базу, не разрушив при этом спутник. Правда, строение получилось таким, что русские одновременно и сочувствовали тем, кто им будет пользоваться, и ухаживались, глядя на убогую и примитивную конструкцию. Тем не менее, когда объединенный флот гордо удалился, она осталась действующей и не прерывала с тех пор своей работы ни на минуту. На ней постоянно дежурили от трех до десяти человек, и имелся приписанный к базе корабль. Разумеется, это был мало кому нужный и убыточный проект, однако убирать людей и консервировать базу никто не собирался. Это выглядело бы равносильно признанию собственной несостоятельности, а потому ее собирались держать любой ценой.

Кстати, база на Деймосе оказалась очень хорошо видна с «Седова» – прежде чем ошвартоваться к станции, корабль сделал виток вокруг планеты, а прошел всего в паре десятков километров от спутника. В космосе, да еще в хорошую оптику, детали можно рассмотреть на весьма приличном расстоянии, так что Басов смог полюбоваться на ее ярко-оранжевые купола. Дизайн их... Ну, не стоило о грустном, тем более что, как ему успели объяснить, внутри было тесно и не слишком удобно. Как объяснил однажды побывавший на этой базе Романов, по запаху ощущение, что находишься в раздевалке. Здесь экономили на всем, даже на фильтрах. Русские расценивали подобное как непрофессионализм, однако не вмешивались, считая, что их чужие проблемы не касаются.

Наконец корабль приблизился к станции, производившей впечатление чего-то хаотичного и притом несокрушимого. Эффект, это было ясно сразу, достигался из-за основы сооружения. Астероиды никто не собирался хоть как-то облагораживать снаружи – просто смысла не было. В результате сооружение получилось габаритное, с бугристой поверхностью, из которой – то здесь, то там – с кажущейся хаотичностью торчали сооружения искусственного происхождения. Басов узнавал легко идентифицируемые антенны и орудийные башни – станция и без флота могла за себя постоять, но большая часть сооружений оставалась для него непонятной.

Он ожидал, что корабль ошвартуется к одному из стыковочных узлов, однако, как оказалось, грузовые корабли здесь принимали иначе. Перед кораблем открылись широкие ворота шлюза, после чего мощный гравитационный захват станции легко, будто пушинку, втянул его внутрь. Еще через каких-то десять минут открылись внутренние ворота, и «Седов» величественно и неторопливо вплыл во внутреннюю гавань.

Вот этого Басов не ожидал. Да, конечно, конструктивные особенности марсианской базы все еще проходили по разряду «секретно», однако планировка станции оказалась необычной по любым меркам. Состыкованные в грубое подобие сферы астероиды имели внутри огромное пустое пространство. После окончания строительства и герметизации конструкции его заполнили воздухом, вначале из марсианской атмосферы, а позже обновляемого за счет продукции завода. Сооружение получилось громадное и величественное, и даже то, что камень, как и снаружи, не пытались облагородить, ничего не меняло.

Так что корабль швартовался уже внутри – как пояснил Романов, ювелирно выполнивший маневр, это сделано не просто так, а для удобства разгрузки. Ну а вообще, эта искусственная полость больше предназначалась не для грузовиков, а чтобы, случись нужда, легче было производить ремонт избитых боевых кораблей. Пока что, правда, этого не требовалось, а вот получившие пробоины от метеоров корабли сюда уже пару раз запикивали.

Пока экипаж готовился к передаче груза, пассажиры бодро направились в шлюзовую отсек, чтобы спустя какую-то минуту оказаться на базе. Не то чтобы это было так уж нужно, однако за время перелета корабль всем успел поднадоесть. Здесь же имелись хоть какие-то новые впечатления, пространство, по которому можно прогуляться... Плюс – и это немало-

важно – на базе не было даже намека на сухой закон, работал бар, в котором можно посидеть и передохнуть. Ну, и новые лица, разумеется.

Правда, как оказалось, не такие уж и новые. Басов не успел пройти и десятка метров, как услышал радостный вопль:

– Сергей! Сергей, налево тебя и пополам!

Басов обернулся, пошарил глазами и моментально обнаружил источник шума. Сквозь толпу – народ как раз спешил обедать, и в коридоре оказалось на удивление многолюдно – к нему пробирался Витька Ипатов, сокурсник по университету. Не виделись они давно, лет пять, не меньше, только общались через сеть, а в последние полгода Витька и совсем пропал. Басов все гадал, куда он делся, а оказывается, вот в какие дали судьба занесла.

За эти годы Виктор изменился. Экран компьютера мог передать далеко не все. Седину в его огненно-рыжих волосах Басов видел и раньше, а вот то, что приятель заметно раздался не только в плечах, но и в талии, стало новостью. Хотя, конечно, можно было предположить, все мы не молодеем. А в остальном – такой же, как и прежде, веселый и шутливый. В этом Басов убедился, как только Виктор обхватил его и сдавил так, что дышать стало невозможно.

– Серега! Серега! Я же тебе говорил, что все дороги идут в космос!

– Говорил, говорил, – прохрипел Басов, с трудом освобождаясь от не знающего меры в эмоциях приятеля. Учítывая, что тот был на полголовы выше отнюдь не маленького профессора и соответственно шире в плечах, делом это было непростым. Как бы еще воздух от такой компрессии не испортить, то-то будет конфуз. – Отпусти орангутанг, задушишь...

– Не дождешься... – К чему это конкретно относилось, понять было сложно, однако ясность внес разжавшийся захват. – Каким ветром к нам? А то я узнал, что ты летишь, примчался, но опоздал вот. Обедать будешь?

Слова из него вылетали со скоростью пулеметной очереди. Впрочем, Басов знал Виктора. За первые несколько минут выплеснет кучу вопросов, а потом успокоится и станет нормальным, ничем особо не выделяющимся человеком. Поэтому, не противясь столь решительному похищению, он дал увести себя в местную столовую, провожаемый сочувствующими взглядами товарищей. Ну да, они-то не в курсе, кто есть кто. Впрочем, наверняка и у них здесь найдутся знакомые, мир исследователей космоса на самом деле не так и велик, а потому все на виду, и найти того, кто о тебе хотя бы слышал, не так уж и сложно.

Как и предполагал Басов, однокашник выдохся достаточно быстро, и они неплохо посидели. Столовая была хороша – меню ресторанное, разве что самообслуживанием пришлось заняться, но это уже мелочи. Народу оказалось, на удивление, не так уж и много. Как объяснил Ипатов, большинство предпочитало питаться у себя. А что, каюты здесь были двух-трехкомнатные, со всеми удобствами, включая кухню. Места на станции было в разы больше, чем требовалось для такого количества народу, поэтому можно было развернуться во всю широту души. А не хватит – так можно и еще построить, проблем нет.

А в остальном, по словам Виктора, жизнь протекала достаточно скучно и крайне размеренно. Ученые возились в лабораториях, военные тренировались, технический персонал вечно что-то подкручивал и подвинчивал. А куда деваться? Вся техника, создаваемая русскими, традиционно была крепкой, надежной, дешевой, ремонтпригодной... Но вот по мелочам требовала постоянного вмешательства. Поэтому работали, старались и ждали возвращения домой. Вахты здесь продолжались по году, так что Виктору предстояло здесь провести еще половину срока.

Больше всего Басова удивляло, зачем здесь потребовался геолог, но, как оказалось, работы у Виктора хватало. На орбиту Марса начали закидывать новую партию астероидов. Для чего, Ипатов не знал, однако это не отменяло того факта, что каждая каменюка нуждалась в тщательном исследовании. К тому же, хотя колонизация Марса не стояла не только в ближайших, но и вообще ни в каких планах, исследования планеты продолжались.

На поверхности работали автоматические танкетки-лаборатории, собирающие образцы и проводящие картографирование и сейсморазведку. Не так уж и безуспешно, кстати. Ипатов не распространялся особо, но так многозначительно закатывал глаза, что становилось ясно – нашли что-то серьезное. И неудивительно, что Басов не отказался от его предложения прогуляться на планету. А почему бы и нет? Стоянка здесь будет длиться еще неделю. Больше того, Ипатов и остальным предложил к их поездке присоединиться. Похоже, ему было попросту скучно...

Борт корабля «Седов». Ночь

Рубка «Седова» не то чтобы сверкала огнями, но и от отсутствия освещения не страдала. Помимо стандартных источников света горели мониторы, перемигивались индикаторы, а командир и второй пилот при всем этом безобразии присутствовали. Штатное тестирование всех систем корабля согласно регламенту. Зачем? Есть такое слово – положено, и в космосе оспаривать этот аргумент не принято. Коршунов возился в машинном отделении, доктор перебирал свои запасы, а эти двое разбирались с навигацией и общим контролем систем.

Тестирование сводилось к весьма простому действию. Прийти, запустить программу, а затем усесться в кресло и... к примеру, почитать. Можно было бы вообще в свою каюту уйти и завалиться на койку, но, во-первых, так можно и одуреть от безделья, притом, что сидение в рубке и наблюдение краем глаза за происходящим давало ощущение сопричастности с процессом. Ну а, во-вторых, слово «положено» опять же никто не отменял. Вероятно, к отработке регламента планового тестирования систем некогда приложили руку военные, они, порой, требования устава в шкале ценностей помещают несколько выше здравого смысла.

Сейчас заниматься сидением в кресле была очередь Демьяненко, но и Романов присутствовал. Причина для этого имела самая что ни на есть уважительная – они рубились в шахматы. Притащили небольшой складной столик, очень удачно помещающийся между рабочими местами, установили на нем обязательные кружки с чаем, пластиковую емкость с конфетами и доску. Самую настоящую, деревянную, аккуратно расчерченную на квадратики и с такими же деревянными фигурами. Эстетствовали, короче говоря. И как раз в разгар баталии в рубку буквально ввалился контрразведчик, решительным движением захлопнувший за собой дверь.

– Пять минут, чтобы меня выслушать, есть?

– Даже десять, – не слишком довольным, но ровным тоном отозвался Романов, как раз поднявший коня. – Тебе мат, Ирина.

– Не больно-то и хотелось, – второй пилот выигрывала, в среднем, четыре партии из десяти и потому не особо расстроилась. Реванш, как она считала, взять еще успеет.

– Ну, раз вы закончили, то уберите со стола это непотребство, – выдал контрразведчик, и голос у него был такой, что игроки предпочли незамедлительно подчиниться и быстро сгребли фигуры в коробку.

– Надеюсь, у вас достаточно веские причины отрывать нас от...

– От дела?

– Можно сказать, и так.

– Веские. Думаю, очень. Взгляните на это, – контрразведчик жестом фокусника бросил на стол пакет из прозрачного пластика. Романов нагнулся, ожидая увидеть там как минимум золотой самородок с кулак величиной, однако на проверку перед ним оказался всего лишь потемневший и скрюченный в невообразимую спираль кусок металла.

– И... что это такое? – поинтересовался он.

– А сами не догадываетесь? – поинтересовался контрразведчик и, дождавшись ожидаемого отрицательного движения головой, пояснил: – Это – кусок гроба. Того самого исчезнувшего гроба, командир.

– О-па! – взгляд Романова стал острым и твердым, как лезвие кинжала. – Откуда он у тебя?

В первый раз с начала полета командир «Седова» обратился к нему на «ты», однако контрразведчик, казалось, не обратил на это внимания.

– Извлекли из внешней стенки одного из контейнеров. Пробил и застрял. Рядом царапины – остальным, похоже, не хватило энергии, контейнеры у нас все же крепкие.

– Та-ак... А почему датчики ничего не зафиксировали?

– А черт их знает. Сегодня Виталия загружу, пускай проверяет... Хотя нет, лучше вы загрузите. Он-то не знает, кто я, и лучше будет, если раньше времени мое инкогнито не раскроется.

– Согласен. Впрочем, это, наверное, не так и важно. Откуда это взялось, удалось установить?

– Да. Посидел в лаборатории, тут дел на полчаса. Гроб действительно взорвался. Кто и зачем заложил взрывчатку, я не знаю. Хотя самого покойника подозревай. Правда, уж ему-то даже в желудке бомбу не протащить было, я его тело насквозь просвечивал.

– Что за взрывчатка?

– Разновидность пластида. Чрезвычайно мощная, наверное, одна из сильнейших взрывчаток, созданных людьми. Разработана в Альянсе, но это ни о чем не говорит. Взрывчатка старая, еще довоенная, сейчас она на вооружении спецслужб в паре десятков стран. Даже наши не брезгают... Так что это ни с какой стороны не зацепка. Скорее, подтверждение того, что у нас проблемы.

– Какова была мощность взрыва, посчитали?

– Да. Не очень большая, но нам бы хватило. Как минимум, вырвало бы кусок борта, а может, и силовой набор покорежило. Дальше – в зависимости от точки, могли отделаться серьезной аварией, а могло и всех прихлопнуть, как мух полотенцем.

– Хреново, – резюмировал командир «Седова».

– Я бы выразился куда жестче. А главное, мотивы того, кто это сделал, совершенно мне непонятны.

– Мотивы... – Романов встал, прошелся туда-сюда по каюте. – Знаешь, вы, что хотите, делайте, хоть лопатой яму ройте, но этого умника мне найдите. Подвергать корабль опасности нельзя.

– Сделаю, куда я денусь, – с печалью в голосе махнул рукой контрразведчик.

Когда он вышел, в рубке на некоторое время воцарилось молчание. Наконец Романов вздохнул и спросил:

– Ну, что ты об этом думаешь?

– Думаю, что ничего хорошего. На корабле есть кто-то... чужой.

– Вот именно. И кого ты подозреваешь?

– Есть варианты. Плохо только, пока их не проверить. Разве что корабль обыскать, но это вряд ли что-то даст. Слишком много закутков, в которых можно обустроить тайник.

– Вот именно. Ладно, будем думать. И знаешь, все-таки осмотрим корабль, хотя бы наскоро. Завтра... точнее, уже сегодня они отправятся на планету, часа три у нас будет. Грешно их не использовать.

– Согласна. Вряд ли, конечно, но... вдруг нам повезет?

– Как знать. Откровенно говоря, их пригласили на этот пикник просто невероятно вовремя.

Марсианский посадочный модуль. Следующее утро

Зачем она во все это ввязалась? Сложно сказать. Она, честно говоря, даже не понимала, почему согласилась. Был бы рутинный полет, а под конец – много работы, денег и очередное

признание в научном мире, где она, может статься, достигла бы статуса звезды первой величины. Женщин, конечно, именитые мужи совсем даже не жаловали, но уж она постаралась бы, чтоб они подвинули свои толстые задницы и признали наконец, что рядом с ними не слабый пол, а нечто большее. Сложно было бы, конечно, но вполне решаемо. А тут ей предложили процесс облегчить, и все – взамен на ма-аленькую услугу. И она, дура, согласилась. Теперь это решение уже не казалось ей мудрым.

Вроде бы ничего особенного ей делать не требовалось. Ну... почти ничего. Однако это давило, словно камень, положенный на плечи. Ощущение паршивое. А самое неприятное, что приходилось его постоянно скрывать от других. Попробуйте сделать это в замкнутом пространстве, где невозможно не столкнуться с другими членами коллектива. И чтобы вести себя, как обычно, необходим самоконтроль, постоянный и полный. Не расслабиться нигде, разве что в собственной каюте, а как дверь откроешь – и все, ни чихнуть, ни пукнуть. Такое состояние выматывало, и потому, несмотря на то, что в полете делать было особо нечего, чувствовала она себя по вечерам, словно весь день вагоны разгружала.

Хорошо еще, народ собрался такой, что в душу лишний раз не лез. Разве что доктор – ну да эскулапу это по должности положено, душещипательные беседы вести. Он ведь не только за физическое, но и за психическое здоровье подопечных отвечает. А в остальном товарищи достаточно деликатны, чтобы при первом же намеке отвалить в сторону.

Тем не менее, морально она устала дико. Еще и смерть эта... А потому момента, когда они прибудут на Марс, ждала, как манны небесной. И ведь дождалась! И все бы хорошо, если бы не идиотская выходка их геолога, который заявился с мордой обожравшегося сметаны котика и предложил устроить экскурсию на поверхность Марса.

Откровенно говоря, больше всего хотелось послать его куда подальше, но этот неунывающий умник сообщил о намечающемся мероприятии всем и сразу, и остальные восприняли новость с энтузиазмом. Пришлось быть как все, то есть демонстрировать радость и готовность лететь вот прямо сейчас куда хочешь и на чем хочешь. А ведь хотелось-то уткнуться носом в подушку – и чтоб не кантовали. Черт бы побрал этого энтузиаста!

Результат оказался закономерен. Вначале подъем в шесть утра. Боги! За время полета она отвыкла подрываться в такую рань. Потом легкий завтрак – и бодрой трусцой к внешнему причалу, где как раз неуклюже маневрировал посадочный модуль. По сути, обычный шаттл, вроде того, который возил их на орбиту во время тренировок, разве что заметно меньших размеров.

Приятель их геолога, Ипатов, ждал гостей возле шлюза. Здоровенный, высокий, чуть сутулый, больше всего напоминающий пережравшую стероидов гориллу. Стоял, лыбился на их компанию, а потом махнул рукой в сторону мобильного контейнера и сказал, чтобы выбирали скафандры. А то мало ли.

Скафандры оказались весьма похожи на обычные, космические, только несколько более легкие. Да еще ботинки имели грубую, но весьма удобную подошву, которая позволяла без проблем ходить по грунту, а не только плавать в невесомости. Впрочем, для нее это открытием не являлось, находилась в таких, было дело. Да и не только для нее, Иванов вон тоже облачился на удивление быстро, хотя и похуже, чем женщины. Смешно, в их экипаже женщины, все трое, вообще оказались более подготовленными, чем мужчины. Жалко, Ирина осталась на корабле, но тут уж куда не денешься, члены основного экипажа сейчас загружены работой по самое не балуй. Кроме, пожалуй, доктора – этот уже проверил свои таблетки и теперь летит вместе с ними. Такой же неуклюжий, как и остальные. Космонавт, блин.

И все равно, жаль, что Ирины нет, а то бы она всем наверняка показала, как надо влезать в этот доспех. Ну, да и ладно, и вдвоем продефилируют. Они будут, хе-хе, смотреться куда выигрышнее мужчин, вначале размещающихся в скафандрах с грацией носорогов, а затем прогуливающих с героическим видом, переваливаясь, словно утки.

Однако приступ гордости за истинных женщин был, пожалуй, единственным, что пошло на пользу настроению. Зато исходящий от скафандров запах... Ну, а чего вы хотели? Это же «дежурные» скафандры.

Любой человек, постоянно работающий на станции, имеет свой личный, приписанный ему скафандр, который не имеет права надевать никто, кроме хозяина. Он этот скафандр холил и лелеял, чистил после каждого использования, проверял... «Дежурные» же предназначались для таких, как экипаж «Седова», командированных. Нет, они, разумеется, были исправны, за этим следили строго. И размеры имелись практически любые. Только вот стойкий запах раздевалки внутри не перебивался даже дезинфицирующим раствором. Притом, что эта жидкость тоже воняла капитально. И результат соответствующий, амбре жуткое, другого слова не подобрать. Мужики, обоняние которых слабее женского, такого дискомфорта явно не чувствовали, зато женщинам приходилось тяжело.

И вот, преодолевая брезгливость, она забралась сначала в скафандр, а потом и в шаттл, заняла изрядно потертое и неудобное, хотя и редкостно функциональное кресло, и стала ждать, когда их наконец доставят на поверхность Марса. Рядом, недовольно кряхтя, располагались остальные. Садись, пристегивались, ерзали, пытаюсь устроиться удобнее. Не слишком-то это у них получалось, откровенно говоря, все же тот, кто проектировал сиденья в шаттле, явно был скрытым садистом и постарался вложить в конструкцию кресел максимум неудобства.

Приятель Басова, имя которого, в отличие от фамилии, она успела благополучно забыть, вошел последним. Внимательно, куда только делись ухмылки и раздолбайство, проверил, как сели пассажиры, и решительно устроился в кресле пилота. От ее внимания не укрылось, что кресло нестандартное, явно переделанное под габариты Ипатова. Стало быть, этот шаттл в его личном использовании, причем давно. Защелкнул ремни автоматическим движением, не глядя, и отстегнул перчатки. Многие пилоты так делают, считая, что голыми руками лучше чувствуют штурвал. Ничего опасного, в случае нужды натянуть их обратно вопрос двух секунд.

– Укромное, я Лопух. К старту готов.

То ли случайно, то ли из пофигизма Ипатов не отключал трансляцию, и все его слова были слышны пассажирам. Раздались короткие смешки. В ответ вальяжный, ленивый и даже какой-то замедленный баритон произнес:

– Лопух, я Укромное. Старт разрешаю.

Ипатов шевельнул пальцами. Шаттл чуть заметно вздрогнул и медленно, невероятно плавно отделился от стыковочного узла. В правом иллюминаторе мелькнул бугристый, как и положено уважающему себя астероиду, бок станции, левый заполнил величественно красный Марс. Едва заметная дымка атмосферы ничуть не мешала, даже, как будто, терялась. Ипатов вновь шевельнул аккуратный штурвал, и шаттл, развернувшись, скользнул вниз. Еще щелчок – и управление принял на себя автопилот.

Марсианский посадочный модуль. Несколько минут спустя

Шаттл вошел в атмосферу практически незаметно, что, в общем-то, и не удивительно – по сравнению с земной она оказалась более чем разреженной. В результате спуск проходил куда быстрее, чем на родной планете, и при этом не наблюдалось спецэффектов вроде лижущей борта плазмы. Впрочем, Ипатов не торопился и вообще очень быстро перевел машину в горизонтальный полет.

Воспользовавшись моментом, Басов перебрался в кресло второго пилота, установленное, скорее, по традиции – особой нужды в нем не было, да и не особой – тоже. Новые шаттлы, по слухам, им уже не оборудовались, но Ипатову новенькую машину хрен кто даст, так что пилотировал он сейчас откровенное старье. Хорошо отлаженное, вылизанное до блеска, но – старье. Впрочем, незаметно было, чтобы Виктора это хоть как-то напрягало. Кораблем он управлял одной рукой, будто автомобилем, что выдавало огромный опыт при любительской, в общем-

то, подготовке. Скорее всего, на планету он спускался так часто, что это уже успело надоесть, но пилот, которого готовили долго и тщательно, никогда не расслабится до такого поведения.

Повернувшись к Басову, пилот ухмыльнулся:

– Как в молодости, любишь смотреть вперед?

– Именно. А ты, смотрю, все не расстаешься с вредными привычками?

Ипатов вновь ухмыльнулся. Челюсть его, словно подтверждая слова однокашника, размеренно двигалась – от пристрастия к жевательной резинке его, похоже, только могила исправит.

– Вредные привычки – это только те, которые вредят тебе. А если окружающим, то нечего было окружать.

– Угу, угу, – покивал головой Басов. – Поостри мне еще. Совсем вы тут, смотрю, вдали от недремлющего ока начальства расслабились. Сплошное ля-ля-ля да хи-хи-хи. Послушаешь – так не передовой отряд исследователей космоса, а взвод юмористов собрался. Вас бы на плац – и маршировать отсюда и до обеда. Что еще за Укромное, Лопух?

– А, это у нас диспетчер полетов развлекается, – Ипатов даже не пытался обижаться. – Делать ему нечего, вот и придумывает ерунду всякую, вроде нестандартных позывных.

– Делать нечего?

– Понимаешь, кораблей мало, шаттлов тоже раз-два и обчелся... В общем, есть такая профессия – на работе сидеть.

– А если и впрямь какой умник прилетит с проверкой да устроит вам разнос за неуставные беседы в эфире?

– Ну, мы все-таки не военные. Прилетали уже одни такие, все в скафандрах с погонами, пробовали нам уставы писать. Мы их послали на хрен – они и пошли. Не подчинены мы им, и все тут. Это своими, которые на службе, они еще могли бы покомандовать, но, что интересно, даже не пытались. Наверное, поняли, что те их тоже пошлют.

– Да уж, дисциплинка...

– Да ладно тебе. Диспетчер может наедать себе пузо и молоть языком, но он профессионал своего дела, и ни единого сбоя при мне не случилось. У меня налету сейчас больше, чем у иного генерала, уже, притом, что к основной работе нареканий ни малейших. Остальные, поверь, такие же.

– Понятно, – скептически протянул Басов, но от дальнейших комментариев воздержался.

Шаттл между тем начал заваливать влево – Ипатов скорректировал курс, но получилось у него слишком резко, что еще раз подтвердило мнение Басова о нем, как о пилоте. Воздушный хулиган, вот кто он. Натаскать, конечно, натаскали, но остался Виктор при этом любителем до мозга костей. Впрочем, пускай его, летит уверенно, аварии не допустит. Вот только почему все-таки он пилотирует сам? Разве нет на базе профессиональных летунов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.